

Валерий Пылаев
КАМЕР-ЮНКЕРЬ

Горчаков

Валерий Пылаев

Горчаков. Камер-юнкер

«Автор»

2022

Пылаев В.

Горчаков. Камер-юнкер / В. Пылаев — «Автор»,
2022 — (Горчаков)

1967 год. Мир, которым правит магия аристократов. Где рок-н-ролл звучит даже во дворце ее Императорского величества, а отечественные «Волги» успешно сражаются на ночных улицах с американскими «Понтиаками».

Очередная бешеная гонка по Санкт-Петербургу заканчивается трагедией. Врачи и целители, уже приговорившие юного князя Горчакова к смерти, списывают чудесное спасение на внезапно проснувшийся Дар. Но даже родовая магия не в силах объяснить, почему у парня полностью изменились привычки и вкусы... И откуда берутся странные сны о местах, в которых ему еще не приходилось бывать.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерий Пылаев

Горчаков. Камер-юнкер

Глава 1

– Что ж ты такое задумал, Александр Петрович? Ни стыда, ни совести – старую выгнать... Да чего ж я тебе сделала?!

Арина Степановна, еще пару минут назад бывшая крепостной крестьянкой, была недовольна. Нет, даже не так – взвинчена, раздосадована и, похоже, готова скандалить хоть до самого обеда. Дед предупреждал, что просто не будет. И благоразумно опасался – настолько, что на целое утро даже уступил мне место в собственном кабинете.

И это вселяло уверенность. Хоть какую-то – в том, что разгневанная пожилая женщина не запустит мне в голову чернильницей или телефонным аппаратом. Нас разделяла здоровенная столешница из дуба, но в безопасности я себя не чувствовал. Хотелось спрятать глаза, удрать, оказаться где-нибудь подальше отсюда, промолчать – или спросить совета у резного чертика на оставленной дедом трубке.

Но его темнейшее молчал и как будто даже чуть косился куда-то в стену, словно делая вид, что все происходящее его и вовсе не касается. И никаких советов давать, ясное дело, не собирался. Дескать – выкручивайся сам, Горчаков.

И я выкручивался.

– Признаю ваше право быть не в духе, Арина Степановна. – Я постарался выдавить из себя улыбку. – Хоть и не вполне понимаю причины такого расстройств. Я всего лишь...

– Не понимает он... Да я ж тебя вот такого помню! – Старушка показала ладонью что-то вроде метра с кепкой от пола. – Все на кухню ко мне бегал, когда Мишка прохода не давал. А теперь чего? Взрослый стал, силы набрался – значит, все можно?!

Да уж. Похоже, это будет даже сложнее, чем я думал.

– В первую очередь вы должны понять, что никаких особенных перемен ваше новое положение не подразумевает, – терпеливо проговорил я. – Ни при каких обстоятельствах.

– Ну за что ты так со мной, Сашенька? – Арина Степановна вдруг обмякла в кресле и всхлипнула. – Пожалей, не гони старую...

– Да никто вас и не гонит! – не выдержал я. – И даже не думает! Ну поймите же вы, наконец: все будет точно так же, как и раньше! Вы останетесь в усадьбе, сохраните свою работу и обязанности – просто будете считаться свободным человеком! Получите жалованье...

– И на кой мне это жалованье твое? – Арина Степановна всплеснула руками. – Может, кому и надо – а мне милость Горчаковых всегда дороже была... Зачем лишаешь?

– Не лишаю. – Я кончиками пальцев пододвинул к краю стола только что подписанную бумагу. – Вы продолжите служить роду – конечно же, если того пожелаете... Ну сами подумайте, Арина Степановна: куда мы без вас? Пропадем ведь!

Почти полминуты мы сидели молча, и я понял – гроза миновала. Неуклюжая лесть сработала там, где убеждение оказалось бессильно. Глубокая морщина на лбу Арины Степановны разгладилась – и теперь великая домоправительница выглядела скорее удивленной и чуть потерянной, чем сердитой.

– Пропадете, конечно... Ладно уж, послушаю я тебя, – с явной неохотой проговорила она. – Только разве иначе нельзя, Сашенька? Чтобы все по-старому...

– Нельзя, – отрезал я. – Вы не хуже меня знаете, что все это коснется не только вас. Перемены порой необходимы.

– Да знаешь где я эти перемены видела, Сашенька? – Арина Степановна снова сердито нахмурилась и уперлась руками в бока. – Придумают этих... реформ своих, а простым людям...

– Я попросил бы. – Я чуть подался вперед. – Разумеется, вам дозволено говорить мне все, что угодно... Но только с глазу на глаза. Здесь, в этом кабинете, – и нигде более. Но я буду очень опечален услышать подобное в усадьбе – или за ее пределами... И особенно – от вас. Понимаете, Арина Степановна?

Мне не пришлось даже повышать голос – хватило и Дара, на мгновение вырвавшегося на свободу без моего желания... почти. Стекла едва слышно задребезжали, воздух в кабинете похолодел на пару градусов, а Арина Степановна съежилась в кресле напротив, разом потеряв весь задор.

– Понимаю, Александр Петрович, понимаю... – закивала она. – Надо – значит, надо.

– Вот и славно. – Я откинулся и даже позволил себе чуть потянуться в кресле. – Ступайте, занимайтесь делом – как положено... И мне бы чаю еще.

– Все сделаю, Александр Петрович. Сейчас же велю. – Арина Степановна поднялась с кресла, засемила к выходу и уже у самой двери, оглянувшись, добавила: – Вы только не сердитесь, простите старую. А то как зыркнете – душа в пятки уходит... Вылитый дед, ей-богу!

В любой другой день такое сравнение мне, пожалуй, даже бы польстило. Но сегодня я полностью сосредоточился на происходящем. Непростая беседа завершилась, но теперь мне предстояла еще одна схватка с разгневанной женщиной.

И – чего уж там – куда более серьезная.

Воронцова вошла в кабинет быстрым шагом – но все же успела бросить на Арину Степановну красочно-презрительный взгляд. Как же иначе – родовитую аристократку вызвали на ковер, как нашкодившую гимназистку, заставили ожидать – да еще и приняли после какой-то там крепостной старушенции.

Я с трудом удержал улыбку, вспомнив, что одна гостя была старше другой от силы лет на двенадцать.

Но выглядела княгиня, конечно же, превосходно и даже обворожительно. Роскошное темно-синее платье с декольте, тонкая шерстяная накидка на плечи, которая одна наверняка стоила дороже всего гардероба Арины Степановны, вместе взятого. Туфли на высоченном каблуке. И, разумеется, внешность. Подаренная самой природой и доведенная до совершенства косметикой из Парижа и родовым Даром. Простой смертный наверняка потерял бы голову, окажись с ним рядом такая женщина.

Не то чтобы на меня совсем не действовала притягательность Воронцовой – и все же я видел чуть больше, чем другие.

Ее сиятельство изменилась. Сухость кожи не могли скрыть даже дорогие крема. В волосах не было ни единого седого – но уже благодаря краске, а в уголках глаз собрались крохотные морщинки. И даже сам Дар, истинная сущность княгини, – съежился, пожух и ослаб. Она до сих пор превосходила меня по магическому классу – формально, во всяком случае. Но теперь я без труда «считывал» ее – и вряд ли Воронцова смогла бы мне помешать... Даже если бы почувствовала.

Несколько месяцев вдали от родового Источника сделали свое дело, а собственных сил поймать ускользающую молодость уже не хватило. Княгиня постарела – и внешне, и внутри. Она без приглашения уселась в кресло напротив, метала глазами молнии, без всякого стеснения буквально давила меня своей выдающейся... ну, скажем, харизмой – но настоящей, истинной уверенности у нее не осталось и капли. Только страх, который я ощущал почти физически.

– Это неслыханно, князь! – Воронцова явно подготовила гневную речь заранее. – Заставить женщину подняться в такую рань, ехать...

– Доброго утра, ваше сиятельство... Присаживайтесь, пожалуйста. – Я указал на кресло, которое Воронцова уже и так успела занять. – Вы ведь догадываетесь, для чего я вас позвал?

– Не имею и малейшего представления! – скривилась Воронцова. – Но если уж вам так хотелось увидеть мою персону – могли бы потрудиться приехать в город или хотя бы...

– Господин имеет право призвать вассала. Но никак не наоборот. – Я пожал плечами. – И не вижу ничего неправильно в том, что я этим правом воспользовался.

– Правом? – Воронцова в очередной раз изобразить праведное возмущение – но совсем неудачно. – Думаете, если я назвала вас своим господином и защитником, вам позволено...

– Именно так я и думаю. Вернее – точно знаю, – отрезал я, – что мне позволено, а что – нет. И поэтому вы ответите на все мои вопросы. По своей воле – или даже против таковой, если я того пожелаю.

Мой Дар освободился лишь на мгновение – но его хватило, чтобы Воронцова поняла: я не только прекрасно осведомлен о заклании Приоритета, но и сумею им воспользоваться. Хватит и умения, и силы.

И уж тем более – наглости.

– Прошу меня извинить, князь. – Воронцова склонила голову. – Я забылась.

– Всякое бывает, – улыбнулся я. – Где ваш сын... Дмитрий, кажется?

Разумеется, я прекрасно помнил имя наследника рода – со дня нашей дуэли не прошло и года. Но зато теперь Воронцова наверняка сообразила: его мнение насчет всего, что было или будет сегодня сказано, меня ничуть не волнует... И что я не постесняюсь использовать любые рычаги, какие окажутся под рукой.

На мгновение в глазах княгини мелькнула злоба, потом страх – но они тут же сменились тоской.

– Сейчас Дмитрий в Париже, – негромко проговорила она. – Но я не понимаю, какое отношение...

– Вот и славно. – Я махнул рукой. – Пусть там и остается – меньше будет шуму. Родовой Источник Воронцовых сейчас подчиняется вам, не так ли?

– Да. Формально, во всяком случае.

На этот раз в глазах княгини не было и намека на удивление – только тревога. Похоже, ее сиятельство уже успела сообразить, к чему я клоню.

– Отлично. Значит, все именно так, как я и предполагал. – Я удовлетворенно кивнул. – Вы отлучите своего сына от рода.

– Что?..

– Я не собираюсь требовать суда или даже появления Дмитрия в столице. Хотя, как вы понимаете, мог бы. Но для всех будет лучше, если он вообще больше никогда не вернется в Россию. И даже сменит фамилию. – Я сделал паузу и покосился на висевшие на стене часы. – Разумеется, я не буду возражать, если вы назначите ему достойное пожизненное содержание.

Воронцова нервно усмехнулась – так, будто приняла все, что я говорил, за какую-то нелепую шутку. И только через несколько мгновений замерла, сверкнула глазами, побледнела – и наконец заговорила.

– Вы хоть понимаете, чего хотите, князь? – кое-как выдавила она. – Если хоть на минуту представить, что я сделаю подобное... род Воронцовых прервется!

– Отчего же? – Я откинулся на спинку дедова кресла, усаживаясь поудобнее. – Вы, княгиня, еще молодая и – смею заметить – в высшей степени привлекательная женщина. Ничто не мешает вам снова выйти замуж. К примеру – за одного из вассалов моего деда... Скажите, вы знакомы с бароном Штольцем? Да, он уже не так молод, его сложно назвать красавцем, но...

– Вы сошли с ума, князь?! – прошипела Воронцова. – Я никогда в жизни...

– Не стоит зарекаться. Итак, повторяю. – Я чуть подался вперед. – Вы выйдете замуж, княгиня. И когда законный супруг потребует наследника – вы подарите ему Одаренного маль-

чика. Родите или усыновите – на ваше усмотрение. Ваш сын будет носить двойную фамилию и унаследует все достояние и силу обеих семей – если получит благословение государыни, конечно же... Но все вопросы с ее величеством я любезно возьму на себя – в знак особого почтения к вам, княгиня.

– Вот как? – Воронцова злобно ухмыльнулась. – А может, это вы унаследуете все достояние Воронцовых, сделав главой рода игрушечного князька, марионетку вашего дедушки?

– Приятно беседовать с женщиной, чей ум не способна затмить даже красота. – Я сложил пальцы домиком. – Надеюсь, мы поняли друг друга.

– Вы смешны, князь. – Воронцова выдавила из себя натушно-фальшивое хихиканье. – Строите из себя невесту кого. Мы ведь оба знаем, что я не выйду замуж по вашей указке... Тем более – за нищего барона!

– И вот вы уже торгуетесь, княгиня, – невозмутимо отозвался я. – Разумеется, мы вместе выберем для вас достойного супруга – но спешить ни к чему. Пока мне будет достаточно и вашей подписи на документах. Я уже велел поверенным подготовить все необходимое.

– Хватит нести чушь! – не выдержала Воронцова. – Вы не имеете никакого права так поступать с моим родом! И если сейчас же не прекратите – я немедленно поеду напрямик в Зимний и буду требовать у ее величества защиты. Вы не понимаете...

– Нет, это вы не понимаете, княгиня.

На сей раз обошелся даже без Дара – просто посмотрел на Воронцову так, что она тут же осеклась и умолкла. Злобно сверкнула глазами, прикрыла декольте платком и понемногу сжеживалась в кресле, будто сдуваясь.

– Ни вы, ни ваш сын сейчас не в том положении, чтобы чего-то требовать у государыни, – продолжил я. – И именно поэтому я имею право на все. А вот вы – напротив, все свои права потеряли. – Я чуть подался и облокотился на стол. – Потеряли в тот самый момент, когда решили бежать из страны вместо того, чтобы исполнить свои прямые обязательства по отношению к короне и своему господину. То есть – мне.

– Вы ведь прекрасно знаете, князь, – полупшепотом отозвалась Воронцова. – Знаете, что тогда творилось. Я... я испугалась – и за сына, и за саму себя.

– Как и все мы. Не сомневаюсь, каждый из тех, кто погиб в ту ночь у стен Зимнего дворца, – боялся. Но эти люди, многих из которых я знал лично, выполняли свой долг до конца. – Я покачал головой. – В то время как вы, княгиня, пили в Париже шампанское. И пусть никто еще не назвал ваше решение изменой – оно, вне всяких сомнений, является таковой.

– Нет! – выдохнула Воронцова. – Я не солдат, в отличие от вас, князь! И я не обязана...

– В первую очередь вы – аристократ, человек дворянского происхождения. И к тому же – наделенной властью и Даром. Ваш долг перед короной, государством и народом неизмеримо выше даже воинской присяги или клятвы, которую вы дали мне лично. Но вы предпочли позабыть обо всем. И именно поэтому, княгиня... – Я поймал взгляд Воронцовой и, сделав паузу, тихо закончил: – Вы будете делать все, что я скажу.

– Нет... Вы не посмеете.

На ее сиятельство было жалко смотреть. В дедов кабинет заходила уставшая – но все еще уверенная в собственных силах женщина. А теперь я видел перед собой перепуганное существо, у которого не хватало отваги даже взглянуть мне в глаза.

– Конечно, я никак не могу помешать вам хоть сейчас бежать и жаловаться государыне... да и не собираюсь. – Я заговорил еще тише. – Но если вы сейчас заявитесь в Зимний с жалобами на мои грехи, то в первую очередь будьте готовы ответить за свои собственные. И едва ли ее величество окажется к вам столь же благосклонна, как я.

Воронцова не ответила. Сидела молча минуту или две, чуть покачиваясь вперед-назад, – и только потом поднялась и, не попрощавшись, направилась к выходу. И я уже решил было, что

разговор окончен раз и навсегда, но ее сиятельство, похоже, слишком сильно желала, чтобы хоть самое последнее слово все-таки осталось за ней.

– Будьте осторожны, князь, – ледяным тоном произнесла она, на ходу оборачиваясь прямо перед дверью. – Пусть сейчас вы можете позволить себе многое – это не продлится вечно. Не стоит забывать – у рода Горчаков немало врагов, и подобными решениями вы лишь увеличиваете их число.

– Охотно верю. – Я пожал плечами. – Но и вы не забывайте, что обычно происходит с моими врагами, – чтобы ненароком не повторить их судьбу... Доброго дня, княгиня.

Через несколько мгновений цокот каблучков Воронцовой стих в коридоре. Но одного меня оставили ненадолго: не успел я разложить на столе документы, как в дверь постучали.

– Чай, ваше сиятельство. Арина Степановна велела – говорит, вы изволили...

Незнакомый голос принадлежал женщине. Скорее, даже совсем молоденькой девушке. Звучал он совсем негромко и даже робко – но как-то по-особенному мило. Будто его обладательница не просто выполняла свою работу, но и действительно была рада самой возможности услужить мне.

Две встречи с особами женского пола этим утром получились не из простых – но третья, похоже, вполне могла оказаться приятной.

Глава 2

Барышня с чашкой чая на блюде оказалась симпатичной. Она явно была года на два или три старше меня, но я почему-то сразу определил ее в девчонки. То ли из-за того, что сам сидел в кресле хозяина усадьбы и всех владений рода Горчаковых и ощущал себя за пределами серьезным и взрослым, то ли из-за внешности.

Природа щедро наделила девушку и ростом, и весьма зрелыми формами, которые не очень-то скрывала одежда, – но личико ее почему-то казалось юным, почти детским. Миленьким и чуть заспанным, будто его обладательница только что встала с постели и тут же принялась за работу.

Странно. Арина Степановна начинала гонять свою кухонную гвардию чуть ли не с пяти утра – за час-полтора до того, как просыпалась остальная прислуга и усадьба оживала. А девушка была не одной из горничных, а именно с кухни – судя по одежде: белоснежному переднику на белом же то ли халате, то ли платье по колено. Скорее всего, кто-то из младших поварих или совсем низкоранговая прислуга из разряда «подай-принеси», из новеньких.

Вторая странность – обычно на кухню брали девушек... скажем так, попроще – а такая красotka вполне могла бы рассчитывать стать кем-то из домашней прислуги. А то и податься на заработки в город. Ни я, ни братья, ни уж тем более дед никогда не были ценителями полудетской «кукольной» внешности – но в Петербурге подобное наверняка пользовалось бы успехом, открывая пусть не совсем целомудренные, но зато верные пути к достатку, а то и – чем черт не шутит – в высшее сословие.

Девушка могла бы просто поставить чашку передо мной и чуть пододвинуть – но вместо этого обошла стол и оказалась совсем рядом. Так близко, что в мое плечо мягко уперлось что-то теплое... и уж точно более приятное, чем начало сегодняшнего утра.

– Чай для вашего сиятельства.

– Благодарю, – отозвался я.

Чашка уже заняла свое место – но девушка и не думала уходить. Странная пауза затягивалась и уже грозила стать совсем неловкой, когда моей шеи вдруг коснулась маленькая ладошка. Легко, осторожно – будто бы невзначай.

– Ваше сиятельство желает... еще чего-нибудь? – негромко выдохнула девушка мне прямо в ухо. – Мне велели исполнять все, что вы только пожелаете.

Та-а-ак... понятно. Арина Степановна берегла репутацию рода даже более ревностно, чем собственные владения на кухне, – и уж точно даже не намекнула бы кому-то из своих на подобное. Зато бойкие девицы из простых – а порой и не только – сами частенько были не прочь подобраться поближе, чтобы получить доступ к княжескому телу... А заодно и к прочим прилегающим к нему благам.

Я мужественно держался. Организм отчаянно требовал свое, порой замечая соблазн даже там, где его и вовсе не имелось, – однако я слишком хорошо представлял, чего может стоить пара... неосторожных движений.

Сегодня вести себя достойно оказалось сложно вдвойне. Девушка была не в моем вкусе – но и ее голос, и движения, и даже кукольная внешность буквально излучали столько мягкой покорности, что я на мгновение подумал, что нет ничего плохого в том, чтобы запереть дверь в дедовский кабинет, усадить красотку попой на документы чуть ли не государственной важности и...

– Все, что пожелаете, ваше сиятельство.

Девушка будто прочитала мои мысли – и сама устроилась на край столешницы так, что кухонная униформа обтянула округлое бедро, оставляя совсем немного простора воображе-

нию. А когда она еще и подалась вперед, пуговицы на одежде натянули ткань с такой силой, что я на мгновение удивился, как они вообще выдержали... И как выдержал я.

Нет. Нельзя. Выдыхай, Горчаков.

– Премного благодарен, сударыня. – Я осторожно отодвинулся назад в кресле. – Если что-то понадобится – я непременно велю вас позвать. А сейчас можете быть свободны.

– Да... конечно, ваше сиятельство.

На лице девушки не мелькнуло и тени разочарования. Даже наоборот – выражение стало еще более сонливым, будто она собиралась прилечь прямо здесь. И лишь ценой немалых усилий слезла со стола и развернулась ко мне спиной. То ли Арина Степановна начала гонять бедняжку еще затемно, то ли...

Когда поднос с негромким стуком ударился об пол, я почти не удивился. А через мгновение начала заваливаться и сама девушка. Обмякла, осела вниз, словно пыталась усесться на корточки и не удержалась. Потом подалась вперед, едва успев подставить локти. И перед моими глазами предстало зрелище, которое я в любой другой ситуации назвал бы в высшей степени соблазнительным.

Но сейчас что-то явно шло не так.

– Эй... – Я кое-как выбрался из дедова кресла и подхватил девушку за плечо – чтобы не приложилась лбом об пол. – С тобой все в порядке?

Развернуть ее и усадить к себе лицом оказалось не так сложно. Несмотря на аппетитные формы, весила красotka как пушинка – да и сама еще сохранила силы помочь мне. Тело у нее, похоже, работало пока еще как следует.

А вот голова... Да, с головой у девчонки явно творилось что-то не то. Побелевшие щеки, полуоткрытый рот, в котором языку будто вдруг стало слишком тесно. И глаза – без единой мысли, два огромных бездонных блюдца, будто нарисованные на лице голубыми мелками.

Да еще и смотрящие не прямо, а друг на друга.

– Да твою ж... – выдохнул я.

Несмотря на плачевное состояние, двигалась девчонка на удивление быстро. Настолько, что не будь на мне уже привычного набора защитных плетений – вполне могла бы и успеть. Не убить, конечно, – но порезать уж точно. Узкое лезвие примерно с ладонь длиной метнулось к моему горлу, вспорол рубашку на кое-как подставленной руке – и скользнуло по шее.

Магия отработала. Полыхнула так, что я сам на мгновение едва не ослеп и плюхнулся обратно в кресло. Здоровенный дедовский стол со скрипом отъехал по полу сантиметров на двадцать. Но больше всего досталось горе-убийце: девчонку отшвырнуло и приложило об стену с такой силой, что я не удивился бы, останься она лежать со сломанным позвоночником.

Не осталась. С тихим стоном поднялась, посмотрела окосевшими глазами – и снова бросилась на меня, даже не попытавшись подобрать улетевший куда-то в угол то ли нож, то ли кинжал.

В каком месте она его вообще прятала?!

Странное помешательство будто удвоило силы девчонки – но все-таки чтобы совладать с Одаренным, их оказалось маловато. Через три секунды я уже укладывал ее лицом в пол.

А через пять дверь в кабинет с грохотом распахнулось, и в кабинет ворвались двое: Андрей Георгиевич и дед. Последний держал в руках свою любимую трость, но будто забывал на нее опираться... Впрочем, я уже не раз замечал, что при желании старик в свои девяносто четыре может двигаться ничуть не медленнее меня.

– Что случилось?! – прогремел Андрей Георгиевич.

По кончикам его пальцев пробежали искорки – заряженные заклятья. И что-то явно посерьезнее стандартного набора из Копья, Булавы и Серпа. Грозный безопасник уже упаковался в магическую броню и теперь выискивал взглядом достойного соперника. Того, кто посмел напасть на наследника рода Горчаковых в его собственном доме.

А вот дед соображал быстрее: за несколько мгновений осмотрел весь кабинет, убедился, что сражаться уже не с кем, – и взглядом захлопнул дверь... И, похоже, еще и щелкнул замком, запирая нас от новых визитеров.

– Рассказывай, – коротко бросил он.

– Кухарка. – Я похлопал вяло трепыхавшуюся девушку между лопаток. – Набросилась с ножом... пыталась ударить в шею.

– И у нее получилось?

Суда по голосу, дед был ни капельки не встревожен – скорее, чуть раздосадован и, возможно, даже разочарован... Возможно, даже мной.

– Почти, – признался я. – Сработало плетение. Она еще раз на меня напрыгнула, но...

– Понятно. Переворачивай ее.

Не знаю, зачем деду вдруг понадобилось разглядывать мою несостоявшуюся убийцу, но спорить я не стал. Чуть ослабил хватку, и девчонка сама перекатилась на спину, едва не заехав мне коленом. Рывком села и, не издав ни звука, снова потянулась ко мне.

Остальные для нее и вовсе будто не существовали.

– Понятно, – повторил дед.

И, протянув руку, коснулся лба девчонки кончиками пальцев. Та тут же перестала вырываться и обмякла. Не потеряла сознание – просто успокоилась, разом потеряв интерес и ко мне, и к кровопролитию в целом... и вообще – во всему.

– Тащи ее сюда. – Дед взглядом указал на диван у стены, а сам опустился в кресло. – Сейчас разберемся.

– Не сомневаюсь, – пропыхтел я, отрывая от пола фигуристое тело кухарки-убийцы. – Только для начала, может, объяснишь, что именно тебе понятно?

– Для начала надо убедиться. – Дед махнул рукой. – Да и неплохо бы научить тебя ковыряться в чужих головах... раз уж подвернулся случай. Крайне полезное умение.

– Но не для всех. – Я пристроил девушку на диван. – У меня ведь нет особых способностей менталиста.

– Ну... лично я склонен думать, что значение врожденного таланта в таких вопросах сильно переоценено. – Дед пожал плечами. – И к тому же почти уверен, что талант у тебя все-таки есть.

– И почему же?

– Достаточно понаблюдать за тем, что происходит вокруг тебя. Конечно, многое можно списать на незаурядную волю или удачу, но все же... – Дед на мгновение задумался. – Тебе никогда не приходилось замечать, что люди делают то, чего ты от них хочешь? Или напротив – не делают того, что было бы для тебя нежелательно. Не замечают, смотрят в другую сторону... игнорируют очевидное?

Да, такое я определенно наблюдал. Хотя бы в те дни, когда бродил с Сергеем по рабочим окраинам, нарядившись в старые брюки и потрескавшуюся кожанку из Настасьиной мастерской. Маскировка получилась неплохая, но мое лицо нередко мелькало на газетных разворотах. А никто из новых знакомых ни разу не заметил, что Павел Корчагин удивительно похож на юного князя Горчакова.

– Припоминаешь? Подобное почти всегда указывает на спящие способности менталиста. – Негромкий голос деда прервал мои размышления. – И нынешняя ситуация вполне подходит, чтобы их разбудить.

– Как пожелаешь, – поморщился я. – И как же мне это сделать?

– Просто загляни ей в голову... Сейчас это вряд ли будет так уж сложно. Только подойди поближе. – Дед поднял трость, указывая на девушку на диване. – Когда есть телесный контакт, получается намного проще.

Интересно, Гижицкая поэтому всегда старалась держаться ко мне... поближе?

Я шагнул вперед и опустился перед пленницей на одно колено. Сначала взял за руку, но потом решил, что уж если налаживать телесный контакт, то с хранилищем воспоминаний напрямую: обхватил голову, развернул к себе и попытался поймать взгляд – но безуспешно.

Глаза девчонки все еще предпочитали смотреть не на меня, а друг на друга.

– Не обращай внимания, – вполголоса посоветовал дед. – Это неважно... просто загляни внутрь.

И я заглянул. Сначала ничего не происходило, и я на мгновение даже успел почувствовать себя идиотом, но потом откуда-то появились картины. Смазанные, нечеткие – но слишком уж похожие на правду, чтобы я их просто придумал.

Дверь дедова кабинета. Коридор. Лестница, потом кухня... похоже, я «отматывал» воспоминания девчонки в обратную сторону. Арина Степановна. Улица, усадьба, задняя дверь вдалеке. Ворота, молодой охранник... симпатичный. Потом дорога, заборы. Елизаветино – явно недалеко, если уж шла пешком. Калитка, высокий человек в шляпе и черном плаще. Не из местных, одет как городской, что-то говорит...

Лица незнакомца я разглядеть не смог – девчонка глухо застонала и откинулась на спинку дивана. Поток воспоминаний прервался, а я так и не выудил оттуда ничего по-настоящему ценного.

– Дальше можешь не стараться. – Дед со вздохом опустил кончик трости на пол. – Подчистили.

– Подчистили? – уточнил я. – Кто?

– Менталист, конечно же. Кому еще, по-твоему, под силу заставить кухарку прыгать с ножом на своего господина. А потом забыть все лишнее... или вообще все. – Дед покачал головой. – Даже я не смогу вытянуть из нее больше, чем удалось тебе.

– Блок? – В голову тут же полезли не самые приятные воспоминания. – Похоже на работу мастера.

– Нет. Не похоже, – отрезал дед. – Мастеру не пришлось бы рисковать и появляться в Елизаветино. И он бы уж точно смог сделать так, чтобы девочка не превратилась в ходячий овощ... Даже удивительно, что Арина Степановна сама не заподозрила неладное.

– Она отвечает за кухню, а не за сохранность моей жизни и здоровья, – проворчал я. – Не так ли, Андрей Георгиевич?

Замороженная менталистом убийца подобрался ко мне вплотную. И даже нанесла удар... почти достигший цели. В приличных домах за такое всю службу безопасности непременно подвесили бы... за одно место.

Но дед моего праведного мнения почему-то не разделял.

– Как ты думаешь – сколько у бедной девочки с ножиком было шансов справиться с Одаренным твоего класса? – с ухмылкой поинтересовался он.

Я задумался – но только на мгновение. Ответ лежал буквально на поверхности.

– Ни одного. – Я покачал головой. – Даже самого крохотного. Даже не обвешай ты меня охранной магией, как елку на Новый год.

– Именно, – кивнул дед. – Так что на твоём месте я бы сейчас думал вовсе не о том, каким именно образом следует покарать провинившегося Андрея Георгиевича.

Похоже, мне только что указали мое место. Дед позволял мне вести многие дела самостоятельно, доверил огромные капиталы и целую кипу ценных бумаг. Даже уступил на целое утро собственный кабинет – но право устраивать разнос старым вассалам и слугам я пока еще не заслужил.

– А о чем тогда?

– О том, кто мог сделать такое. – Дед задумчиво покрутил трость пальцами. – И зачем.

– Опытный менталист. – Я скосился на застывшую без движения на диване девушку. – Вряд ли такое под силу многим. И достаточно просто...

– Пара десятков человек, – вздохнул дед. – Из тех, кто вспомнился сразу. И примерно втрое больше – если хорошенько подумать... И это только в столице.

– Вы уверены? – молчавший все это время Андрей Георгиевич, наконец, подал голос. – Все-таки забраться в чужое сознание...

– Забраться – да, – буркнул дед. – Заставить обычного человека сделать что-то несложное куда проще. Особенно если не боишься превратить его мозги в кашу. Эта девочка уже точно не расскажет ничего. Ни мне, ни самому Багратиону... Вряд ли она вообще теперь сможет говорить.

– Так это... необратимо? – поморщился я.

– Вероятнее всего. Так что теперь ей прямая дорога в желтый дом... к сожалению. – Дед сердито сдвинул брови. – Кто-то решил тебя предупредить.

– Предупредить?!

Руки сами собой сжались в кулаки. Я уже не раз влипал в истории и пострашнее, но с такой подлостью еще не сталкивался. Я в первый раз видел девушку, которая просто оказалась не в том месте и не в то время. Не знал даже ее имени, но сама мысль, что кто-то может сотворить подобное с человеком из одного только желания мне насолить, вызывала желание убивать.

Особенно если речь шла о слуге рода.

– Я бы сказал «припугнуть», но это не так уж просто сделать, – проговорил дед. – Так что можешь считать это особенно мерзком способом нагадить нам под калитку. И намекнуть, что кое-кому лучше не прыгать выше головы.

Определенно – мне. Куракин погиб, заговорщики понесли потери, от которых вряд ли смогут оправиться. А за последние полтора месяца Багратион так крепко прижал всех инакомыслящих, что они боялись даже пикнуть... Но врагов у меня меньше не стало. Скорее наоборот.

– Ты знаешь, кто из столичной знати может быть тобой недоволен? – поинтересовался дед. – Настолько, чтобы сделать такое?

– Нет. – Я мрачно усмехнулся. – Проще перечислить тех, кому я нравлюсь.

– И неудивительно. В последнее время ты сделал многое из того, что вряд ли одобряют даже наши ближайшие союзники. Освободил крепостных в Елизаветино, оплатил обучение почти сотне человек... Скупил за бесценок чуть ли не треть всех фабрик в Петербурге, нанял людей и, что куда важнее, как будто даже обеспечил их работой. – Дед явно не собирался меня хвалить, но на мгновение показалось, что в его голосе проскальзывают нотки гордости. – И раньше всех прибрал к рукам патенты, за которые теперь готовы платить чуть ли не сотни тысяч золотом. Не говоря уже о твоей роли в подавлении мятежа и особом расположении самой государыни и...

– Государыня! – Я подпрыгнул, как ужаленный. – Сколько сейчас времени?!

Глава 3

Охрану мне все-таки отрядили. И моторы в княжеском кортеже вряд ли были немногим слабее того, что прятался под капотом нового Настасьино творения. Да и водители наверняка не хуже меня – и уж точно куда опытнее. Но где-то километров через двадцать от Елизаветино я перестал видеть их в зеркалах – даже вдалеке.

Неудивительно: это я, а не мои сопровождающие опаздывали на встречу с самой государыней императрицей. Не то чтобы я совсем не глядел на часы, но сначала беседа с Ариной Степановной заняла чуть больше положенного времени, потом появилась Воронцова... а потом меня пытались убить – так что собираться пришлось в буквальном смысле бегом.

Дорогу до города я буквально пролетел, да и на центральных улицах несея, как угорелый. Выскакивал на встречную полосу, ломился на красный, сигналил, собирая проклятья водителей, чудом не попался городovým...

И все равно опоздал. Минут на десять, не больше, – но и это, конечно же, было совершенно недопустимо и вопиюще безобразно. Государыне уж точно не пристало дожидаться наследника княжеского рода, который едва перевалил порог совершеннолетия... Даже если тому полагалась награда, чин и особая благодарность.

Багратион вышел аж к самой лестнице – видимо, напомнить мне обо всем этом. Впрочем, вид у его светлости был не то чтобы раздосадованный или возмущенный – скорее любопытный и до неприличия хитрющий. Будто он знал наперед весь расклад и всю беседу до последнего слова – и теперь готовился понаблюдать за занятым зрелищем.

И наверняка так оно на самом деле и было.

– Кем ты себя возомнил? – поинтересовался Багратион. – Британской рок-звездой?

Особого недовольства в голосе я не услышал – хоть его светлость определенно заметил, что одевался я буквально на ходу и в то, что подвернулось под руку. И если узкие темно-серые брюки с ботинками и рубашка смотрелись вполне прилично, то короткая куртка из кожи явно не слишком-то годилась для аудиенции с ее величеством.

Но каяться я все равно не собирался.

– Скорее уж американской. – Я стащил куртку и закинул через плечо. – Англичане сейчас предпочитают строгие костюмы. Даже на сцене.

– И тебе следовало бы у них поучиться, – усмехнулся Багратион. – И отнестись к происходящему серьезнее.

– Серьезен, как никогда, ваша светлость. В приглашении указали, что встреча будет приватной и неформальной.

– И все же это встреча с самой государыней императрицей. – Багратион чуть нахмурился и покачал головой. – Постарайся вести себя прилично, Саша.

– Разумеется, – отозвался я. – Я не слишком сильно... задержался?

– Ты опоздал. – Багратион погрозил мне пальцем. – А вот ее величество – на твоё счастье – задержалась. Пойдем.

Я покорно двинулся следом за его светлостью. Вверх по лестнице, направо – и в коридор. Здесь мне приходилось бывать – раза два-три. На больших мероприятиях, устроенных государыней, еще с родителями. Все вокруг казалось не то чтобы знакомым, но каким-то обычным, хоть и роскошным. Будто я попал не в святая святых всей империи, а в самый обычный дворец, принадлежащий знатной и богатой семье... только огромный. Мы шли куда-то, поворачивали – а коридоры и не думали кончаться. Похоже, Багратион по каким-то одному ему ведомым причинам вел меня не самым коротким путем.

И я не успел заметить, как все вокруг изменилось. Роскошь вокруг не то чтобы исчезла, но как-то выцвела и поубавилась. Стены чуть сошлись – будто коридоры вдруг стали уже. Хотя,

скорее, дело было в свете: почти все окна плотно прикрывали занавески. И если раньше вокруг то и дело мелькала прислуга, офицеры в форме, придворные – то за последние пару минут мы не встретили почти никого. Кругом царила тишина: даже наши с Багратионом шаги глушили толстые ковры на полу.

Похоже, ее величество не любила шум, суету и слишком яркий свет.

Мы явно почти добрались и уже шли по личным покоем государыни – вот так, запросто, без лишних вопросов или охраны на каждом шагу. Целое крыло на третьем этаже дворца будто вымерло, словно никого здесь вовсе не заботил вопрос безопасности ее величества.

Но только на первый взгляд. Стены были буквально увиты сторожевыми и охранными плетениями, из которых я кое-как разобрал от силы половину, а за любой из неприметных дверей вокруг вполне мог скрываться целый взвод вооруженных до зубов жандармов.

Но Багратион открыл передо мной ту, в которой нас ожидал уже накрытый к позднему завтраку столик. Три кресла явно ручной работы вокруг, какое-то экзотическое растение в горшке в углу и книжный шкаф. Диван у стены напротив – и все. Комната запросто вместила бы вдвое больше мебели но, похоже, использовалась исключительно для таких вот камерных... посиделок.

Я обратил внимание, что булка, сыр и ветчина к столу были уже нарезаны, сладости – поданы и даже чай – разлит по изящным фарфоровым чашечкам. Похоже, в тайне от прислуги решили держать не только ход, но и сам факт встречи. И кто-то – вероятнее всего, сам Багратион – решил, что абсолютная секретность превыше и важнее всего.

Настолько, что ее величеству придется пить остывший чай.

Впрочем, государыня не заставила себя ждать. Не успел я устроиться в кресле, как дверь распахнулась, и я еле заставил себя степенно подняться – а не вскочить и тут же вытянуться по стойке смирно, как тогда, в Пятигорске. Багратион уже был на ногах, и именно ему полагалось первым приветствовать ее величество. Я только через несколько мгновений сообразил, что они наверняка уже виделись сегодня – и мой черед проявить учтивость уже наступил.

– Ваше императорское величество. – Я шагнул вперед и поклонился. – Рад видеть вас.

– Могу сказать то же самое, – улыбнулась государыня. – Вы очень... стильно выглядите, князь.

Мне показалось, что Багратион за моей спиной едва слышно выдохнул. Ее величество вряд ли стала бы устраивать кому-то из нас разнос за то, что я явился без галстука и пиджака. Но даже оставленная на вешалке у входа куртка, похоже, показалась ей чем-то скорее забавным, чем неподобающим.

Сама государыня выбрала для аудиенции простой, но строгий костюм: туфли на небольшом каблучке, узкую юбку и темный приталенный пиджак, чем-то неуловимо похожий на китель военного. Высокая прическа, простые серьги, минимум косметики – и все. Наверное, мне полагалось сделать какой-то комплимент, но я так и не придумал ничего оригинального – только молча приложился губами к протянутой для поцелуя руке и продолжил:

– Для меня огромная честь...

– Оставьте эти формальности, князь. – Государыня с мягкой улыбкой указала на кресло. – Понимаю, что сегодняшнее событие сложно назвать чем-то привычным, но я надеялась увидеть не только наследника рода Горчаковых и военного, но и друга.

Военным я уже не являлся – ни формально, ни фактически. И все же государыня это упомянула – видимо, чтобы еще раз подчеркнуть мои боевые заслуги... Хороший знак.

– Можете не сомневаться – так оно и есть. – Я еще раз поклонился и, дождавшись, пока все остальные сядут, тоже опустил в кресло. – Ваше величество всегда были благосклонны к роду Горчаковых.

– И вы всегда отвечали мне взаимностью, – кивнула государыня. – Даже в самые непростые времена... Вы ведь знаете, почему я желала видеть вас, князь?

– Хочется верить – чтобы оказать мне особую честь... в том числе. – Я изобразил самую любезную улыбку из всех, на какие был способен. – Но о других причинах я могу только догадываться.

– Мне известна ваша роль в захвате немецкого крейсера, – сказала государыня. – Как и во многих других событиях, которые сложно назвать приятными... к сожалению. И вы, конечно же, получите награду и орден по классному чину капитана гвардии – большего не смогу предложить даже я, хоть ваши поступки этого и заслуживают.

– Благодарю, ваше величество. – Я склонил голову. – Но на самом деле моей заслуги во всем этом не так...

– Любезности ни к чему, князь. – Государыня махнула рукой. – Нас всех ждут непростые времена, и я просто не могу оставить без внимания того, перед кем в долгу вся империя.

– Напротив – это я лишь выполнял свой долг, – отозвался я. – Мой род всегда служил государству и короне – как и я сам.

– Насчет вас у меня нет никаких сомнений, князь. Но вот ваш дедушка... – Государыня пристально посмотрела мне в глаза. – Горчаков-старший всегда отличался мыслями и высказываниями, которые никому другому и вовсе не сошли бы с рук. Он десятки лет верно служит государству – но уж точно не моему роду.

Мне вдруг стало неуютно. И не только потому, что до ее величества вполне могли дойти слухи, что полтора месяца назад дед чуть не утопил в Неве весь центр столицы, Зимний и саму государыню с наследником. Вряд ли она забыла и то, что древние рода творили в январе, верша суд направо и налево без высочайшего дозволения. Так или иначе, за своенравным дедом за неполную сотню лет наверняка накопилось достаточно прегрешений перед короной.

Не пришлось бы за них отвечать внуку – прямо сейчас.

– Род Романовых, государство и корона, – осторожно проговорил я. – Разве они не связаны? Разве для любого честного дворянина это не одно и то же?

– Нет, это не одно и то же... особенно для вашей дедушки. – Государыня невесело усмехнулась. – Но я позвала вас не для того, чтобы вспоминать былые обиды. Вам известно, что сейчас происходит в стране, князь?

– Более или менее. – Я пожал плечами. – Мятеж Куракина подавлен, сам генерал мертв, а его союзники понесли заслуженное наказание... или вот-вот понесут. Гвардейские полки частично расформированы, а его светлость Петр Александрович, – я склонился на Багратиона, – получил от вашего величества особые полномочия. Заговорщики больше не представляют опасности.

– Может быть. – Государыня покачала головой. – Но это не значит, что врагов совсем не осталось. Гвардия не была самой грозной силой в руках империи – но с этой силой приходилось считаться. А теперь... Пока я могу рассчитывать только на древние рода – и многие непременно воспользуются этим, чтобы упрочить собственное положение.

И снова неуютно. Нет, государыня пока еще никого и ни в чем не обвиняла – но увесистый булыжник, брошенный ею, явно летел в мой огород.

– Союзы, наращивание капиталов, скупка земель... и не только земель. – Государыня склонила голову чуть набок. – Если меня не обманывают, сейчас вашему роду принадлежит больше фабрик и заводов, чем любому другому. И несколько патентов на оружие и машины, подобные тем, что мы уничтожили прямо под стенами дворца.

– Разумеется, – кивнул я. – Весна показала, что привычный всем нам мир изменился. Одаренные больше не господствуют на поле боя единовластно. А значит, армии потребуется новое вооружение – и совсем скоро. И когда ваше величество пожелает – мы с готовностью предоставим...

– ...Оружие, – закончила за меня государыня. – Не сомневаюсь, князь. Но до меня дошли слухи, что вы собираетесь вооружить не только армию, но и людей рода.

– Я всего лишь пользуюсь законным правом, которое мои предки наследовали несколько столетий. Не знаю, о чем болтают злые языки, но у меня и в мыслях не было создать свою собственную армию... Хотя бы потому, что подобное просто-напросто не по карману даже Горчаковым, – усмехнулся я. – Ваше величество куда лучше меня знает, сколько стоит содержать полк солдат.

– Охотно верю, князь. – Государыня на мгновение задержала на мне взгляд – и потянулась за чаем. – Вам наверняка известно, что Госсовет недавно предложил закон, строго регламентирующий положение и численность службы безопасности и личной охраны родов. И я собираюсь его принять.

Конечно же, я слышал – от деда. Только никто из нас пока не знал, кому именно принадлежала идея: то ли Одаренным аристократам, которые не могли себе позволить нанять много людей, то ли Багратиону... А может, и самой государыне – она-то уж точно вряд ли желала появления у родов личной гвардии.

– Не сомневаюсь, – с готовностью закивал я. – И мы с дедушкой всецело вас поддерживаем. В нынешние времена не стоит оставлять свои владения без охраны, но защиту государства все-таки должна обеспечивать армия. Мне же вполне хватит и сотни-другой человек... не более.

И еще столько же – у будущего мужа Воронцовой, кто бы им ни стал. И у Андрея Георгиевича – в соответствии с баронским титулом. И у каждого из вассалов деда – даже если всю эту ораву придется содержать на деньги рода. Итого – не меньше тысячи-полутора бойцов уже через полгода. А если еще и усилить их панцерами и бронев автомобилями...

Но об этом ее величеству знать не обязательно.

– Сто человек... рота, – задумчиво проговорил Багратион. – Действительно, не такая уж и грозная сила. Но могу я полюбопытствовать – для чего это нужно?

– Вашей светлости не хуже моего известно, чего стоит кучка преданных людей в нужном месте. И в нужное время. – Я выдержал взгляд Багратиона, не шелохнувшись. – Тогда, на «Бисмарке», нам повезло. Но в следующий раз может и не повезти – и я хочу быть готовым. Чтобы мне или даже вам не пришлось действовать в интересах страны и короны в одиночку.

– Страны и короны? – Государыня опустил чашку обратно на столик. – Или все-таки в интересах фамилии Горчаковых?

Я подобрался. Если все, что ее величество говорила раньше, могло быть и безобидным намеком, то это тянуло чуть ли не на полноценное обвинение. Не в государственной измене, конечно...

Но проглотить такое – почти то же самое, что самолично признать вину!

– Интересы фамилии Горчаковых всегда были неотделимы от интересов короны, – твердо проговорил я. – И я искренне желаю, чтобы так было и впредь... ваше величество.

Отповедь, похоже, сработала: государыня несколько мгновений пристально смотрела на меня – и все же не выдержала и первая отвела взгляд. Багратион едва слышно вздохнул. Не знаю, чего он ожидал и чего хотел от всего этого, но оно явно не доставляло ему удовольствия.

– Как и я, князь. – Государыня устало вздохнула. – И все же не могу не сказать, что многое из того, что вы сейчас делаете, кажется мне сомнительным и даже опасным. За последний месяц Горчаковы наняли сотни, если не тысячи человек. Рабочих, отставных полицейских, солдат, уволившихся из гвардии... даже офицеров.

– Не вижу в этом ничего дурного. – Я пожал плечами. – Мне нужны люди, а людям – работа.

– А сколько из этих людей не так давно вышли на улицы города с оружием в руках? Сколько так или иначе связаны с народовольцами или с покойным Куракиным? – Государыня нахмурилась и чуть подалась вперед. – Вы задумывались об этом, князь?

– Разумеется, ваше величество, – кивнул я. – Но не в моих силах беседовать с каждым, чтобы выявить вольнодумцев. Я знаю, что многие из столичной знати готовы закрыть свои фабрики – лишь бы не дать вчерашним бунтовщикам заработать свои детям на кусок хлеба. Одаренные уже полтора месяца отыгрываются за одну-единственную ночь и пустят по миру тысячи людей за прегрешения кучки обезумевших террористов-радикалов.

– Кучки террористов?! – не выдержала государыня. – Вы сами видели, что тогда творилось у стен дворца, князь, – и это мало напоминало... кучку террористов.

– Но все-таки было ею, ваше величество. – Я заговорил совсем тихо и осторожно, чтобы не вызвать бурю. – Террористы всегда остаются всего лишь преступниками, и совершенно неважно, сколько их – один, десяток, сотня или целая тысяча. Нельзя судить целое сословие за поступки отдельных его представителей... Я прекрасно понимаю, что империи сейчас нужна крепкая рука. – Я сделал паузу и уже чуть громче закончил: – Но не меньше ей нужны милосердие и благоразумие.

Несколько мгновений мы все сидели молча. Не знаю, удалось ли мне хоть немного переубедить государыню, – но больше она не возражала. Зато вместо нее вдруг заговорил Багратион.

– Узнаю дедову школу, – усмехнулся он. – Горчаков-старший всегда отличался незаурядными ораторскими способностями... Правда, он-то, скорее, призывал бы к массовым казням.

– Я – не мой дедушка. – Я вложил в голос столько льда, сколько смог. – И уж точно не собираюсь карать всех подряд. Вряд ли хоть кто-то из вас считает, что в Петербурге пролилось еще недостаточно крови.

– Конечно же, вы в чем-то правы, князь. – Государыня отвела взгляд и откинулась назад. – Но, как бы то ни было, уже скоро с этим придется разбираться не мне.

Наверное, мне стоило тут же задать вопрос – или, наоборот, учтиво молчать, позволяя ее величеству объяснить столь... странные слова. Но вместо этого я с размаху опустил обе ладони на подлокотники кресла. В голове тут же родилось с десяток версий – и одна была хуже другой.

– Вижу, вы удивлены, князь. – Государыня улыбнулась одними уголками губ. – Знаю, это может прозвучать малодушно или даже нелепо, но мне уже довольно много лет. Я не унаследовала от предков могучего Дара – подобно вам или Петру Александровичу. Я даже не урожденная Романова, как вы знаете... И женщина, в конце концов.

– Что вы хотите сказать? – тихо спросил я.

– Похоже, мне пора оставить престол сыну. – Государыня задумчиво посмотрела куда-то в сторону. – Раньше это означало бы пойти на поводу у заговорщиков и фактически отдать им страну. Но сейчас... Я совершила слишком много ошибок – и слишком много стало недовольных. Павел – тот правитель, который устроит и армию, и аристократию и даже народ.

– Ее величество отречется от престола в пользу наследника. Где-то через полгода или чуть больше, – негромко пояснил Багратион. – Это уже решено. Но знают пока лишь немногие... и ты в их числе.

– Павел еще молод – даже моложе вас, князь. Но он уже достаточно взрослый и разумный юноша, чтобы принимать верные решения. Особенно если рядом с ним будут достойные друзья и советники. – Государыня чуть прищурилась, будто просвечивая меня взглядом. – И поэтому я решила, что вам пора познакомиться лично... Впрочем, он и сам просил об этом.

– Сам? – Я не поверил своим ушам. – Наследник Павел желает меня видеть?!

– И прямо сейчас, – кивнула государыня.

Ее взгляд на мгновение затуманился – вряд ли ее величество была сильным менталистом, но дотянуться до родного сына, похоже, сумела без особого труда... Или он и сам уже давно ждал знака буквально за углом. В коридоре раздались негромкие шаги, и через мгновение дверь распахнулась.

Я должен был вскочить, поклониться, обратиться к наследнику престола по полному титулу... в общем, соблюсти все подобающие для столь важного события ритуалы. Но вместо этого смог только неуклюже вывернуть голову – так, что шея захрустела, – выпучить глаза и сидеть, бесконечно долго сидеть без движения, будто оцепенев.

– Ч... что?.. – кое-как выдавил я.

И одними губами добавил еще несколько слов – из тех, что произносить в обществе особ королевской крови ни в коем случае не стоило.

Глава 4

– Представь себе... Не ожидал?

Невысокий шуплый парнишка прикрыл за собой дверь – и тут же подпер ее спиной, застыв в картинной позе. Видимо, от всей души наслаждался произведенным эффектом.

А я... я молча таращился. На тощие руки, сложенные на груди, на лицо, которое много месяцев подряд наблюдал чуть ли не каждый день. Знакомое – но одновременно чужое. Изменился только цвет волос – с белесо-светлого на темный, который, похоже, и был настоящим, доставшимся наследнику российского престола от рождения.

А чуть крючковатый нос, тонкие губы, невыразительные глаза и даже вечная недовольная складка между ними – остались прежними. Как и выражение лица, с которым на меня смотрел его императорское высочество великий князь Павел Александрович Романов.

Недавно произведенный в унтер-офицерский чин господин юнкер Артем Волков.

Чингачгук.

– Признаюсь – не ожидал... ваше высочество.

Я все-таки заставил себя как-то отлипнуть от кресла, подняться и изобразить положенный по этикету поклон. Настолько неуклюжий и деревянный, что Чингачгук не выдержал и улыбнулся. Вид у меня, похоже, был настолько обалдевший и потерянный, что даже государыня негромко захихикала... Прямо как гимназистка, услышавшая неприличный анекдот. Один Багратион сохранил хоть что-то похожее на серьезность.

Что наверняка ничуть не мешало ему в глубине души искренне забавляться происходящему.

Но больше всех потешался, конечно же, Чингачгук. Он явно рассчитывал вогнать меня в ступор – поэтому даже оделся совершенно неподобающе. Государыня и Багратион были в костюмах, я – хотя бы в рубашке с брюками, а венценосный индеец напялил самые обычные кеды, джинсы и футболку на пару размеров больше нужного – будто находился не на встрече чуть ли не государственного значения, а дома.

Впрочем, почему – будто? Чингачгук и был у себя дома – в императорском Зимнем дворце.

– Думаю, у вас очень много вопросов, князь, не так ли? – негромко поинтересовалась государыня.

– Да... пожалуй. – Я скосился на Багратиона, уже опустившегося обратно в кресло. – Еще как много.

– События, исход которых вы наблюдали полтора месяца назад, начались очень давно. Семена заговора созревают долго... А может, это мы были слишком слепы и неосторожны, чтобы увидеть измену у себя под носом – ведь это порой непросто. – Государыня невесело вздохнула. – Особенно когда ее зараза касается умнейших и достойнейших и прикрывается разговорами о благе империи.

Смерть родителей. Потом – авария, которая едва не стоила жизни мне самому. Дуэль, гибель Кости... Дед уже говорил мне об этом: что бы ни творилось тогда, почти год назад, – началось оно гораздо раньше.

– Но уже летом стало понятно, что в стране готовится что-то страшное. То, чего не случилось уже очень давно, – продолжила государыня. – Разговоры о том, что я должна отречься в пользу Павла, велись шепотом намного раньше, чем их посмели начать прямо на заседании Госсвета. И мой сын слышал их куда чаще, чем мне бы хотелось.

Чингачгук едва заметно поморщился. Одному Богу известно, что происходило здесь, в личных покоях императорской семьи, год или два назад, – но воспоминания, похоже, были не самыми приятными.

– Павла сложно назвать легковым, но я все равно решила уберечь его и от опасности, и от дурного влияния. – Государыня посмотрела на Чингачгука и мягко улыбнулась. – А еще ему не помешало бы своими глазами увидеть то, о чем раньше только восторженно слушал. Не сомневаюсь, первый курс пехотного училища стал для моего сына ценным уроком.

Скорее уж наказанием – хоть государыня и не говорила об этом прямо. То ли за проступок, то ли за неосторожно сказанное слово... а может, и за что похлеще. Да чего уж там – я и сам загремел во Владимирское вовсе не за хорошее поведение.

Или все-таки потому, что Багратиону был нужен на первом курсе свой человек – приглядеть за наследником Романовых?

Его светлость говорил о будущей военной элите, о полезных знакомствах и настоящей дружбе, которые юнкера приобретают в стенах военного училища. Но о подобном я, конечно, даже не догадывался. А вот Багратион с его опытом вполне мог заранее просчитать, что свое-нравный Павел непременно нарвется на неприятности. А я – рано или поздно окажусь поблизости. И тогда...

– Порой проще всего спрятать что-то важное, положив на видное место. – Багратион усмехнулся и сложил руки на груди. – Я лично маскировал Дар наследника. И, похоже, мне удалось сделать это достаточно хорошо, чтобы провести даже умнейших... Не так ли, князь?

Прятали не только Дар. С лицом Чингачгука... то есть Павла, тоже сделали что-то странное. Я даже представить не мог, что за плетение Багратион использовал для такого эффекта, но дело было точно не изменившемся цвете волос. Черты остались прежними – теми же самыми, что порой мелькали то в газетах, то на экране телевизора, но что-то подсказывало: наверняка до снятия заклęcia наследника не узнала бы даже родная мать.

– Меня вы уж точно провели, – честно признался я. – А кто-нибудь из командования... Ротный?

– Никто. – Государыня покачала головой. – Даже при дворе знали буквально несколько человек, самых близких. Я не думала оставлять Павла в училище дольше чем на пару месяцев, но...

– ...Но потом даже там стало куда безопаснее, чем в этих стенах. – Багратион мрачно усмехнулся. – Да и сам наследник не пожелал оставлять товарищей.

Я посмотрел на Павла, и тот отвел глаза и как будто даже чуть покраснел. Не знаю, сколько на самом правды было во всей этой истории, но с одним не поспоришь: что и когда бы ни случилось, в училище наследнику уж точно ничего не угрожало.

Во всяком случае, пока мы всем личным составом не отправились брать на abordаж «Бисмарк».

– Наверное, я должен принести извинения, – пробормотал я. – За то, что подверг жизнь его высочества опасности.

– Вы ведь не знали, князь. – Государыня пожала плечами. – На вас нет никакой ответственности... А вот моему сыну не помешало бы почаще вспоминать, что его жизнь и здоровье куда важнее для страны, чем умение стрелять из винтовки.

– Я велел ему оставаться на берегу, ваше величество. – Багратион смущенно отвел взгляд. – Но он не...

– Можете не рассказывать. – Государыня махнула рукой. – Я хорошо знаю собственного сына... Впрочем, хватит об этом. Павел желал говорить с князем Александром с глазу на глаз. Вы ведь не возражаете?

– Нет... Нет, конечно же. – Я развернулся к столу и поклонился. – Ваше величество... ваша светлость.

Не то чтобы удивление уже успело полностью пройти, но, когда дверь с нами с Павлом закрылась, я почувствовал что-то вроде облегчения. Конечно, тот, кто шагнул по коридору

со мной рядом, раз и навсегда перестал быть юнкером по прозвищу Чингачгук, но все-таки остался ровесником, однокашником и товарищем... хотелось бы надеяться, во всяком случае.

– Выдохни, княже. – Павел ткнул меня локтем в бок. – Я даже удивился, что ты раньше меня не раскусил. Ты ж у нас голова...

Голова, да не очень... Я продолжал выуживать из памяти все, что могло выдать скрытого первоклассной магией Одаренного. Темные у корней волосы, знание английского – уж точно незаурядное для обычного выпускника гимназии. И, конечно же, совершенно невозможные для простолюдина упрямство и гонор, сделавшие Чингачгука единственным на курсе «красным» юнкером... Да уж, теперь все вставало на свои места: великому князю и наследнику престола уж точно не к лицу было терпеть лютый цук и жить по традициям славной пехотной школы.

Но вспоминал я и другое: в училище «дядьки» не давали молодых в обиду, да и сами первокурсники держались дружно. Я в первый же день вступился за Павла – а тогда еще вчерашнего гимназиста Артема Волкова. Мы не раз и не два лупили куракинских, шли бок о бок к «Бисмарку» – и сражались вместе. Князь Горчаков сделал достаточно и для империи, и для наследника престола лично.

Но тот же князь Горчаков никогда не был чужд суровых казарменных шуток. А как-то раз в Пятигорске перед отбоем тайком засунул под одеяло наследнику вымоченный в воде кожаный ремень – и потянул, когда его высочество задремал. Местные тогда уже чуть ли не неделю пугали нас рассказами о змеях...

В общем, наследник верещал на весь лагерь и подпрыгнул вместе с одеялом под самый верх палатки. А сиятельный князь Горчаков ржал как ненормальный, пока не получил по лбу какой-то книжкой.

И сейчас бы предпочел, чтобы никто больше не вспомнил об этом досадном событии.

– Ваше высочество, – я повернулся к шагавшему рядом Павлу, – вы ведь могли рассказать и раньше... хотя бы мне и господину юнкеру Бецкому. Или позже, когда мы захватили училище.

– Ага. Сам-то подумай: белобрысый первокурсник вдруг заявляет, что он – наследник престола великий князь Романов. – Павел рассмеялся. – Да ротный бы решил, что я тронулся умом, – и посадил бы меня под замок.

– Может быть, – кивнул я. – Но тогда вам не пришлось бы рисковать жизнью и...

– Хватит уже выкать! Я же тебе не мать и не министр какой-нибудь. – Павел махнул рукой. – Только индейцем больше не называй, княже, – а не то на каторгу отправлю... Достали уже.

– Ну простите, ваше краснокожее высочество! – Я все-таки рискнул вернуть шпильку. – Кто бы мог подумать, что вас... что тебя засунут во второсортное пехотное училище?!

– Второсортное – это еще мягко сказано, – усмехнулся Павел. – Ладно. Пойдем хоть посмотришь, как я живу.

Комната наследника российского престола мало напоминала мою собственную – и отличалась не только размерами... раз этак в десять. Дед наверняка вполне мог бы позволить окружить каждого из своих наследников не меньшей роскошью. Но, видимо, в роду Горчаковых испокон веков было принято растить юных князей в хоромашках... поскромнее.

Впрочем, после беглого взгляда на обитель Павла я бы даже назвал свою комнату аскетичной. Да чего уж там – монашеской кельей, в которую едва-едва влезла бы огромных размеров кровать у дальней стены. Письменному столу из темного дерева позавидовал бы даже дед. Одних книжных шкафов было штуки четыре – и четверть полок занимали модельки автомобилей. Изящными, явно ручной работы... похоже, его высочество был заядлым коллекционером.

Игрушек почти совершеннолетнему Павлу уже не полагалось по возрасту, но здоровенный рыцарский доспех в углу явно служил не только для украшения... когда-то. Нагрудник из

толстого металла покрывали вмятины и царапины, а в паре мест зияли сквозные дыры диаметром с палец. Его высочество явно не стеснялся отрабатывать на металлическом гиганте боевые заклятия – а может, и вовсе палил в безответного рыцаря из чего-то огнестрельного.

Единственное, чем наши с ним комнаты были похожи, – постеры на стенах. Какие-то супергерои из американских комиксов, автомобили, голливудские актрисы и актеры с ослепительными улыбками, в которых кто-то – не иначе сам хозяин – закрасил чернилами парочку передних зубов.

И полуголые красотки – куда же без них.

– Ну как? – поинтересовался Павел. – Нравится?

– Ну... точно не наш дортуар. – Я еще раз огляделся по сторонам. – Тут можно целую роту поселить.

– Ага. Давай, устраивайся.

– Куда?

– Куда хочешь. – Павел прямо в кедах плюхнулся на кровать, разом утонув в подушках чуть ли не целиком. – Если хочешь колы – возьми в холодильнике. Он за столом, внизу.

Еще и холодильник... Мы с братьями о таком даже не мечтали.

– Спасибо, воздержусь, – отозвался я. – Хотя, подозреваю, туалет у тебя где-то здесь тоже есть.

– Вторая дверь от окна. – Из подушек высунулась тощая рука и указала куда-то влево. – Чая нет, бутербродов тоже. Мать запретила звать горничных, пока ты здесь.

– Да уж... – Я понимающе кивнул. – Ладно, обойдемся. В конце концов, ты же меня позвал поговорить, а не обжираться.

– Так и есть, княже. – Павел рывком сел в кровати – и вдруг посмотрел так серьезно, что на мгновение меня взяла оторопь. – Скажи – что ты думаешь про Багратиона?

Глава 5

Вопрос застал меня врасплох. И еще как – настолько он не вязался с панибратской болтовней по пути, комнатой и колой в холодильнике... Не вязался даже с раздолбайским обликом самого Павла, восседавшего на бархатных подушках прямо в кедах.

И все же наследник престола спрашивал о начальнике Третьего отделения канцелярии ее величества. Такой вопрос по определению был каверзным, если не сказать – опасным, и я, пожалуй, предпочел бы не отвечать вовсе. Но Павел смотрел серьезно и настойчиво – и молчать с каждым мгновением становилось все неудобнее.

– Петр Александрович – очень сильный Одаренный, – осторожно начал я. – Пожалуй, один из сильнейших в столице – если не во всей империи. Он наверняка получит первый магический еще до того, как ему исполнится пятьдесят.

– Конечно! И класс, и чин канцлера, на который он метит уже давно. – Павел громко фыркнул и уселся ровнее. – Сильный Одаренный... Это действительно то, что первым приходит в голову, когда мы говорим о Багратионе?

В голосе наследника сквозило недовольство – и вряд ли оно мне показалось. Павел то ли имел зуб на его светлость, то ли знал что-то, о чем я пока даже толком не догадывался. И именно об этом и хотел поговорить, когда вызывал меня в Зимний.

И именно поэтому – с глазу на глаз.

– Первым?.. Нет, конечно же, – вздохнул я. – Его положение и чин куда важнее силы Дара. И Багратион не тот человек, о котором следует говорить без надобности.

– Нас не подслушивают, – Павел кивнул в сторону двери, – если ты об этом. И я не собираюсь ловить тебя на словах. Просто хочу знать, насколько ты доверяешь Багратиону... если вообще доверяешь.

– Доверяю.

Я ответил утвердительно... но все-таки ответил не сразу, и затянувшаяся пауза не ускользнула от внимания Павла. Он снова пристально посмотрел на меня и то ли спросил, то ли просто сказал:

– Но не полностью, не так ли... Разумно.

– Я не знаю, что именно ты хочешь услышать. – Я пожал плечами. – У меня нет причин клясться в искренней любви и преданности его светлости. Он никогда не поставит мои интересы выше интересов империи – да и не должен ставить. Но какие причины сомневаться есть у тебя? Багратион – верный слуга государства и короны.

– Государства – да. Короны... – Павел усмехнулся и покачал головой. – Князь никогда не забывает и про себя. Ты знаешь, что за победу над Куракиным мать вручила ему орден Андрея Первозванного?

Я едва удержался от того, чтобы присвистнуть. Нет, конечно, Багратион достойно проявил себя в тот день и заслужил награду, но такую...

– Его не давали никому уже лет сорок! – продолжил Павел. – А сейчас все выглядит так, словно нас, юнкеров, на «Бисмарке» вообще не было. Нет, конечно, все получают свои ордена, чины и медали, но через полгода об этом забудут.

На мгновение я почувствовал что-то вроде обиды. Даже не за себя – скорее за тех, кто так и не вернулся с немецкого крейсера. Мы вместе лезли под пули, рисковали одинаково, а я даже выдержал схватку с целым генералом – перед тем, как дед обратил его в пепел. Но вся слава в итоге досталась Багратиону: он с боем прорвался к Зимнему, поджег пантеры, разогнал пехоту, вошел во дворец с остатками отряда канцеляристов – и первым доложил ее величеству, что мятеж подавлен.

Такое уж точно будут помнить куда дольше, чем две сотни юнкеров с винтовками.

– Ну... высшие награды всегда дают генералам. – Я пожал плечами. – Солдатам достаются громкие слова, тусклые медали и пенсии.

А еще – костыли, нищета и дешевые сосновые гробы. Но говорить об этом я все-таки не стал.

– Ты пойми, княже, – вздохнул Павел. – Мне не жалко, что Багратион получил орден. Но слишком уж много ему дали потом.

– Выражайтесь яснее, ваше высочество, – проворчал я. – Вряд ли меня будут держать здесь столько, чтобы играть в загадки.

– После той ночи Багратион приобрел огромное влияние. Мать, конечно же, вернула ему и чин, и все полномочия, и еще насыпала с горкой. – Павел невесело ухмыльнулся. – Теперь Третьему отделению подчиняется не только отдельный полк жандармов.

– А что еще?

– Ну... как бы сказать это помягче... – Павел на мгновение задумался, – да почти всё. Столичная полиция и в уездах – напрямую. А новыми гвардейскими полками будут командовать офицеры, которых переведут из тайной канцелярии. А сама канцелярия теперь размещается прямо здесь, в Зимнем – в западном крыле.

Сильно. Конечно, я догадывался, что Багратион пожелает отыграться за былые упущения, но чтобы настолько... Похоже, ему оказалось мало восстановить свою службу и прижать заговорщиков – а заодно и вообще всех инакомыслящих. Он замахнулся на что-то куда серьезнее, а уж имея под рукой несколько гвардейских полков, расквартированных прямо в столице, непременно доведет дело до конца.

Знать бы только – какое.

– То есть фактически он сейчас командует всей армией... – проговорил я.

– Не всей. – Павел сбросил ноги в кедрах на пол и поднялся с кровати. – Генералы и адмиралы ему пока еще не подчиняются. Но не удивлюсь, если дойдет и до такого.

– Если получит канцлера...

– А он получит, – поморщился Павел. – И тогда я даже пикнуть не смогу без его разрешения.

– Ну уж?.. – Я прошелся по комнате и присел на край стола. – Еще немного, и ты обвинишь Багратиона в том, что он сам организовал заговор, чтобы получить побольше власти.

– Нет, княже. Я же не идиот, в конце концов. – Павел неторопливо прошагал к окну и, крутанувшись на пятках, двинулся вдоль стены. – Но он явно обратил ситуацию себе на пользу... Хотя – не он один.

– А кто еще?

– Кто? Сможешь угадать с одного раза? – Павел щелкнул ногтем по дырявому нагруднику рыцаря в углу и повернулся ко мне. – Чей род владеет парой десятков заводов и фабрик в Петербурге, половина из которых может выпускать оружие или пантеры? И кто за последний месяц скупил все патенты на новые разработки?

Опять начинается... Мир изменился, и стоит одному сообразительному молодому аристократу среагировать на это чуть быстрее других – как его уже готовы обвинить во всех грехах одновременно!

– Я не думаю, что...

– Я тоже не думаю, княже. – Павел махнул рукой. – Уж ты-то точно не предатель. Но я хочу, чтобы ты понимал: на самом деле все опаснее, чем кажется. Даже сейчас.

– И вот я снова ничего не понимаю, ваше величество. – Я отвесил проходящему мимо стола будущему императору шуточный поклон. – Извольте выразиться яснее.

– Мне известно, что в последнее время вы с князем... Ну, не то чтобы совсем близки, но видите часто. – Павел плюхнулся в огромное кресло. – Уверен, вы уже многое успели обсудить, но я все равно знаю Багратиона лучше, чем ты.

– Не сомневаюсь. – Я пожал плечами. – Он куда ближе ко двору, чем к наследнику какого-то там княжеского рода.

– Даже слишком близко, – поморщился Павел. – А еще он чуть ли не бредит парламентской системой. Такой как Англии... Или в Америке.

– Ну и что? – Я соскочил со стола, чтобы не сидеть спиной к венценосной особе. – Довольно... прогрессивная штука. Хотя и не сказал бы, что наша хуже.

– Госсоветом всегда управляли рода. – Павел улыбнулся и покачал головой. – А Багратиону это всегда не нравилось. И он точно попробует... что-то изменить.

Я понемногу начинал соображать, чего так опасается наследник. Светлейший князь и раньше всегда выступал за сильную верховную власть и не стеснялся по возможности закрутить гайки аристократам – а уж теперь... Выбив себе чрезвычайные полномочия и фактически подмяв всех столичных вояк, он наверняка попробует прижать древние фамилии – и те вряд ли останутся в долгу.

Да уж. Только новой грызни между собой нам сейчас и не хватало.

– Думаешь, все так плохо? – кисло поинтересовался я.

– Боюсь, что да. – Павел облокотился на стол и подпер голову руками. – А мать теперь слушает Багратиона во всем. Может, они и отречься хочет только потому, что он так сказал.

Да уж... дела. Никогда бы не подумал, что мне однажды придется усомниться в Багратионе, который с самого дня нашего знакомства казался настолько преданным империи, насколько это вообще возможно.

Только куда нас завела – или еще заведет – эта преданность? Багратион бок о бок со мной поднимался на борт «Бисмарка», шел навстречу пулям предателей-гвардейцев, жег магическим пламенем панцеры мятежного генерала – но лишь для того, чтобы, по сути, самому занять его место. По-хорошему – а может, и по-плохому – оттереть от управления страной старую аристократию. Укрепить трон и верную ему гвардию, поставив своих людей вместо неблагонадежных генералов и полковников. Протащить через Госсовет реформы, ограничивающие права родов, а потом самому занять кресло председателя, получив заветный чин канцлера. Стать первым лицом в государстве после наследника и вырастить юного Павла по своему образу и подобию.

Так? Очень может быть.

А что случится с теми, кто не пожелает принять новый порядок? Как далеко Багратион может зайти в своем желании избавиться от пережитков прошлого? И чего ожидать от могучих старцев, когда их придавят слишком сильно?

Дед всегда говорил, что самый первый и важнейший долг дворянина – служить стране. Стране, государству и народу, а не короне, которую может напаять любой дурак. И уж кто-кто, а он вполне может посчитать, что для всех будет куда лучше, если места в Госсовете снова займут потомственные аристократы, которых учили править с самого детства, а не выскочки-лапотники или какие-то там министры и армейские чины.

Нет, старики не пожелают уступить и крупницы своих прав и свобод. И уж тем более не станут терпеть, что их положение и титулы понемногу обращаются в пыль, а от древней славы родов остается...

– Эй, княже! – Павел помахал рукой у меня перед лицом. – О чем задумался?

– Да так... – мрачно отозвался я. – О том, как все паршиво.

– Хорошо. Значит, не только я так считаю... Поможешь?

На мгновение на лице Павла мелькнуло что-то от Чингачгука. Не наследника престола и великого князя императорской крови, а щуплого парнишки-юнкера, которого из-за роста всегда ставили крайним левым в шеренге. Упрямого, норовистого, смелого до бесшабашности – но все-таки неспособного в одиночку справиться...

Да уж, похоже, наши проблемы посерьезнее шайки второкурсников.

– С чем помогу? – на всякий случай уточнил я.

– На знаю, княже. – Павел вздохнул и откинулся на спинку кресла. – Для начала – хотя бы разобраться, что со всем этим делать.

Так себе формулировка – но сам я точно не придумал бы лучше. Разобраться. А потом уже попытаться сделать так, чтобы ничьи благие намерения не привели к крайне прискорбным последствиям.

Впрочем, давать опрометчивые обещания тоже пока не стоит.

– Ну... Ты же понимаешь, что я не смогу отказать наследному принцу, – улыбнулся я.

– Вот и отлично. – Павел крутанулся в кресле и полез куда-то под стол – видимо, в тот самый холодильник за колой. – Потому что у меня есть предложение, от которого ты не посмеешь отказаться!

Глава 6

– И тогда он назначил меня камер-юнкером!

Досада и злость словно добавили мне сил – и заклятье получилось с первого раза. Как по учебнику – яркое, могучее, разом отхватившее изрядный кусок резерва и способное разнести в щепки небольшой дом или насквозь прожечь броню панцера.

Но не защиту Одаренного третьего класса. Дед поднял любимую трость чуть выше головы, и всей мощи Свечки не хватило пробить полупрозрачный купол диаметром примерно впятеро больше того, что мог бы поставить я сам. Собранное в тугую струю пламя ударило сверху – и брызнуло во все стороны раскаленными искрами, срезая ветки и молодые деревья.

Впрочем, на этот раз нелегко пришлось даже деду. Он, конечно же, не подал виду, но я все равно заметил, как плечи под пиджаком напряглись и опустились, будто на них опустился невидимый груз. Ноги чуть подогнулись – а ведь он заранее расставил их пошире обычного.

Будто знал, что сейчас я врежу от всей души.

– Камер-юнкер? – переспросил дед, взмахом трости успокаивая пламя вокруг. – Не вижу причин для возмущения. Абсолютно никаких.

– Никаких?! – Я с трудом подавил желание шарахнуть магией еще раз. – Камер-юнкер! Переводится с немецкого как «юный комнатный дворянин». Придворный чин девятого класса... Прислуга!

– Не совсем, улыбнулся дед. – Пожалуй, при Петре Великом такое звание действительно было бы почти унижительным для князя. Но с тех пор прошло много времени. При императоре Александре я полтора года носил чин придворного камерария – и не находил в этом ничего зазорного... Многие завидовали.

– Вот пусть и идут в... камерарии! – проворчал я. – Тебе не кажется, что будущий император мог бы придумать для меня...

– Мне кажется, что ты слишком много болтаешь. – Дед снова поднял трость. – Давай, не отвлекайся. Свечку, потом Рапиру и Ледяное Кольцо. Ну, пошел!

Просить дважды меня не пришлось – злость требовала выхода, и я врезал магией так, что деревья вокруг с треском согнулись. Свечка снова растеклась пламенем по дедову куполу, Рапира ушла чуть в сторону и оставила на березе сквозное отверстие размером с кулак, а вот третье заклятье вдруг сработало с такой силой, что я на мгновение даже испугался. Сверкающее кольцо полыхнуло голубым и сомкнулось внутрь, проминая магическую защиту острыми ледяными шипами.

– Неплохо... очень даже неплохо. – Дед стряхнул с плеча искрящуюся снежную крошку. – Пожалуй, хватит на сегодня.

После того, как я отчислился из училища, мои занятия боевой магией возобновились – только последний месяц уже не с Андреем Георгиевичем. С подпиткой от родового Источника я понемногу перерастал его если не по технике и опыту, то по силе уж точно. Мне с каждым днем все легче поддавались заклятья пятого класса – но нормально контролировать мощь ударов я пока не умел.

И после того, как я однажды чуть не отправил Андрея Георгиевича на тот свет Серой Косой, дед принял решение заниматься со мной лично. Пусть не слишком часто – зато весьма продуктивно. С ним я хотя бы мог не бояться бить в полную силу, осваивая все новые магические приемы. А иногда у нас даже оставалось время побеседовать в тишине с глазу на глаз.

Вот как сегодня.

– Пойдем. – Дед перехватил трость за набалдашник и неторопливо зашагал к тропинке. – Прогуляемся немного.

Я молча кивнул, подхватил повешенную на дереве куртку и направился следом. Мы нечасто так гуляли – обычно шли сразу в усадьбу, и каждый занимался своими делами. Но сейчас родовое гнездо Горчаковых осталось за спиной, потом и вовсе скрылось за деревьями – а дед все шагал и шагал, опираясь на трость. Сам – он терпеть не мог, когда ему помогал кто-то другой. В последнее время ноги подводили деда все чаще, но фамильное горчаковское упрямство, конечно же, никуда не делось.

– Думаешь, карьера при дворе – это то, что мне сейчас нужно? – Я поравнялся с дедом и даже чуть обогнал. – Прислуживать, дежурить ночами, носить ливрею...

– Думаю, что так ничего и не понял. Хотелось бы, конечно, чтобы мой внук доходил до подобных вещей сам, – дед усмехнулся, – но, так и быть, объясню.

– Уж постарайся, – буркнул я.

– Во-первых, не всегда следует понимать все сказанное буквально – особенно если говоришь с особой царских кровей. Во-вторых, речь определенно идет вовсе не о карьере придворного. – Дед выставил палку вперед и неуклюже переступил через какие-то узловатые корни. – И в-третьих – если это так важно – вряд ли кто-то заставит тебя носить ливрею.

– Откуда такая уверенность?

– Оттуда... Но сначала ответь мне на один вопрос. – Дед прищурился и посмотрел на меня. – Наследник Павел показался тебе... глупым?

– Нет. – Я ответил быстрее, чем успел поискать в вопросе подвох. – Определенно – нет.

Может быть, неопытным. Слишком юным, чтобы носить корону, – ему не так давно исполнилось шестнадцать. Чуть растерянным, не до конца уверенным в собственных силах – но уж точно не глупым.

– Тогда ты мог бы и догадаться, что такой человек вряд ли пожелает делать из наследного князя Горчакова ряженого болванчика в ливрее. – Дед чуть ускорил шаг. – Подобное практикуется не слишком часто, но даже великим в свое время случалось носить звание камер-юнкера. Когда-то давно это действительно означало комнатного слугу императора или великого князя – но те времена давно прошли. Просто подумай о том, какие возможности ты получишь вместе с чином.

– Камер-юнкеру дозволено входить в личные покои государя. – Я на мгновение задумался. – Прислуживать ему за трапезой... если попросят. Выполнять личные поручения, передавать...

– Ты сможешь видаться с Павлом с глазу на глаз. За одно это многие продали бы душу. – Дед покачал головой. – Наследник будет спрашивать твоих советов – а ты станешь его глазами там, куда он не сможет явиться в силу своего положения. Вас и так связывает... назовем это дружбой, а в дальнейшем...

– Назовем?

– У наследника престола не бывает друзей. Только подданные и иногда – союзники, – вздохнул дед. – У тебя есть возможность стать скорее вторым, чем первым, и я не стал бы ее упускать.

– Ну... Может, и так. – Я начинал понимать, к чему он клонит. – Но неужели нельзя было...

– Что? Назначить семнадцатилетнего оболтуса с унтер-офицерскими погонами и парой побрякушек министром? Пожаловать тебе чин канцлера? – Дед негромко рассмеялся. – Поверь, Павел и так предложил тебе куда больше, чем стоило бы. Наследник рода Горчаковых уж точно не та фигура, которую при дворе оставят без внимания... особенно теперь.

– Больше всех Павел опасается Багратиона, – вспомнил я. – Уж не знаю, почему.

– Может, потому, что его действительно стоит опасаться?

Дед свернул с тропинки и принялся осторожно спускаться к реке, опираясь на трость. Земля осыпалась у него из-под ног, и я готовился в любой момент поймать старика – но обо-

шлось. Через несколько мгновений он с неожиданной ловкостью перемахнул через упавшее дерево и уселся на него – в нескольких шагах от воды.

– Всегда любил это место... Отлично подходит, чтобы посидеть и подумать без лишнего шума. – Дед упер кончик трости в землю. – Куда лучше моего кабинета.

Я молча кивнул. После таких вот странных фраз ни о чем, отсутствующего взгляда и несколько минут тишины дед обычно рассказывал что-то действительно важное и полезное – так что мешать ему не хотелось.

– Петр Александрович и раньше был той еще занозой, – наконец заговорил он. – А теперь может доставить впятеро больше проблем, чем раньше. И если вы с Павлом хоть как-то подрежете ему крылья – будет уже неплохо... Только особенно не ободряйся.

– Даже не думаю. – Я пожал плечами. – Судя по тому, как государыня обласкала Багратиона, скоро он будет управлять всей страной.

– Не только поэтому. Монаршая милость – палка о двух концах. И редко она длится долго. – Дед покачал головой. – Когда придет время, Павел прожует тебя и выплюнет – если ты не успеешь сделать так, чтобы он не мог без тебя обойтись.

– Стать незаменимым?

– Незаменимых вообще не существует. – Дед недобро ухмыльнулся. – Правда, порой это касается и самих государей.

Мне вдруг показалось, что дед не просто знает, о чем говорит, а знает на личном опыте. Я мог только догадываться, кто и кого прожевал, выплюнул или заменил, но это явно случилось очень давно. Еще в прошлом веке, когда Александр Горчаков-старший был не могучим главой рода, а наследником. Сначала щедро одаренным милостью монарха, а потом...

Только где сейчас тот монарх? А дед – вот он, прямо здесь. Сидит на засохшем бревне с любимой тростью в обнимку и пытается предостеречь внука.

– Если бы я знал, где именно следует искать подвох, – конечно, сказал бы. Пока что юный Павел – просто испуганный мальчишка. – Дед задумчиво посмотрел на реку. – Но это мальчишка, которого с самого рождения учили править. А значит, учили и самому древнему и простому принципу: разделяй и властвуй.

– Разделить меня и Багратиона? – догадался я.

– Разделить тебя и вообще кого угодно. – Дед усмехнулся и чуть подался вперед, опираясь на трость. – Сейчас род Горчаковых – сам по себе сила. Пусть не равная Багратиону, армейским чинам или союзу древних родов – но я бы на месте Павла не допускал твоей дружбы ни с одним, ни с другими... И не самый плохой способ сделать это...

– ...Приблизить ко двору, – проворчал я. – И к себе лично.

– Именно так. – Дед одобрительно кивнул. – Но все это, конечно же, не повод отказываться от предложения. Все-таки возможностей в нем неизмеримо больше, чем подводных камней... Просто будь осторожен, ладно?

– Постараюсь. – Я пожал плечами. – Милость наследника – это уж точно не самое страшное, что сейчас может со мной случиться.

– Страшнее только женитьба. Кстати, ты пока еще не задумывался?..

– Что?!

– Я слышал, как ты отделал княгиню Воронцову. Ее сиятельство была буквально вне себя от ярости. – Дед довольно оскалился. – Отличный ход, я и сам не придумал бы лучше... Но не пора ли подумать и о себе?

– Мне всего семнадцать, – буркнул я.

– Ну, а почему нет? Не то чтобы я тебя поторапливал, но Горчаковых осталось не слишком много, и мне не хотелось бы отправиться на тот свет до того, как я лично увижу наследников. Парочку крепких мальчуганов. – Дед на мгновение задумался. – Главное, чтобы они вдруг не оказались рыжеволосыми бастардами или...

– Дед!!!

– Что? Мне вообще-то тоже было семнадцать лет. И не настолько давно, чтобы я совсем успел забыть, каково это. – Дед улыбнулся и потрепал меня по плечу. – Ладно... Пойдем домой, Сашка. Если опоздаем на завтрак – Арина Степановна нам голову снимет.

Глава 7

– Обязательно было тащить меня с собой? – Настасья проводила взглядом открывающуюся перед капотом здоровенную створку ворот. – Это же не машины даже. Я в твоих штуках этих вообще ничего не понимаю.

– Зато ты умеешь нравиться людям, – отозвался я. – Особенно мужчинам. А их, представь себе, на производстве всегда большинство.

– Еще лучше. Я что, какое-то украшение?!

– Самое лучшее и прекрасное во всей империи. – Я улыбнулся и повернул ключ, заглушая мотор. – Но позвал я тебя не поэтому.

– И зачем же тогда? – Настасья чуть развернулась ко мне. – Снова будешь хвастать, как ты здорово стреляешь из всего, что... стреляет?

– Скорее всего, – усмехнулся я. – Но дело не только в этом. Я для рабочих все равно останусь чужаком – а тебе они доверяют. И расскажут куда больше... особенно когда ты приедешь одна.

– Хочешь, чтобы я шпионила? – Настасья сложила руки на груди. – Так, что ли?

– Называй как знаешь. – Я чуть сдвинул брови. – Но прозевать что-то здесь мы не имеем права. Уже через полгода этот завод будет выпускать тысячи единиц оружия в месяц. И если что-то пропадет со склада и окажется не в тех руках... Ты видела, что творилось в апреле?

В ту злосчастную ночь Настасья с ребятами ночевала прямо в мастерской, запершись на все замки. Им выбили несколько стекол, прострелили дверь, но дальше, к счастью, не полезли – народники слишком спешили, чтобы поскорее добраться до Зимнего. И даже когда Багратион с уцелевшими жандармами разогнал всех с площади и городовые кое-как навели порядок в центре города, на окраинах стрельба не стихала еще несколько дней – особенно по ночам.

Окончательно все успокоилось только к маю. Народники, оставшись без вожаков и поддержки разбитых в пух и прах заговорщиков, пропали с улиц. Оказались в тюрьме или на каторге, разошлись по домам, удрали из города... Кому-то наверняка посчастливилось даже снова найти работу – а ее, благодаря нашим с дедом усилиям, в городе опять было достаточно. Третье отделение снова работало, наверняка увеличив число филеров и осведомителей чуть ли не втрое, – и работало, судя по всему, жестко и весьма успешно.

Разговоры о народовластии стихли. Но сама идея, конечно же, никуда не делась. Что бы ни писали в газетах и ни говорили по телевизору, сколько бы инакомыслящих Багратион ни заставил замолчать навсегда – слишком многие помнили тот день, когда несколько тысяч человек вышли на улицу с оружием в руках, восстав против власти империи...

И власть едва смогла огрызнуться. Так что я не тешил себя особой надеждой на то, что все закончилось раз и навсегда. Да, заговор был раздавлен, Куракин сторел в панцере, но вряд ли Багратион успел за полтора месяца выловить всех остальных. Я до сих пор только догадывался, откуда берутся чертовы «глушилки». Апрель уже случился один раз – а значит, вполне мог случиться и во второй.

Угли гнева пролетариев покрылись золой, но что-то подсказывало: в них еще достаточно жара, чтобы вновь вспыхнуть, если ветер подует достаточно сильно. Я не зря отправлял поверенных за миллионными займами, и тем, кто работал на заводах и фабриках Горчаковых, едва ли было на что жаловаться. Но недовольные, конечно же, остались – а они, как я уже успел убедиться, умеют кричать куда громче всех остальных.

И если что-то снова пойдет не так, самое глупое, что я могу сделать, – упустить что-то на собственном оружейном заводе.

– Помню, благородие... Все я помню. Но что ж получается – своих буду под монастырь подводить?

– Надеюсь, до этого не дойдет. – Я протянул руку и потрепал Настасью по плечу. – А через полгода все изменится, ты уж мне поверь. У меня теперь есть... большие возможности.

– Знаю я твои возможности. Опять всех к ногтю прижмешь. Хороший ты парень, благородие, добрый – только характер у тебя дедовский. – Настасья покачала головой. – Если что не по-твоему – голову с плеч снимешь.

– Не сниму. – Я взялся за ручку и открыл дверь. – Это твоя работа на заводах, а моя... в других местах. И я тоже не сижу без дела.

Настасья не стала дожидаться, пока я помогу ей, – выскочила сама и уже принялась поправлять одежду. Для визита на завод она выбрала строгий наряд: юбку, свободную блузку и легкий плащ. Обошлась без косметики и даже убрала волосы в высокую прическу.

Но все равно продолжала притягивать взгляды.

– Мы с тобой вместе создали кассы взаимовыручки. Рабочие союзы уже есть на пяти предприятиях – а скоро будут и на всех. Так что не надо считать меня таким уж сатрапом. – Я аккуратно взял Настасью под руку. – Пойдем. Нас уже, наверное, заждались.

Андрей Георгиевич заезжал сюда неделю назад и настойчиво рекомендовал заглянуть. Кто-то и что-то впечатлило его настолько, что старый безопасник говорил громко, много и при этом отчаянно жестикулировал – что на моей памяти с ним происходило впервые. Я так и не понял, о чем идет речь – то ли какой-то разработке, то ли о человеке, то ли обо всем сразу, – так что решил поинтересоваться лично.

– Ваше сиятельство, сударыня... добро пожаловать. – Начальник завода встретил нас буквально в двух шагах от автомобиля. – Не ожидали вас так рано.

– Время нынче дорого, – отозвался я. – И мы вряд ли зайдем вас надолго.

Рукопожатие у местного владыки оказалось довольно вялым, а вот деловая хватка – что надо. По совету деда я сманил его из губернии на двойной оклад – и не ошибся. За какой-то месяц он превратил чахлый заводик на окраине в полноценное предприятие, уже выпускающее модифицированные магазинные трехлинейки для пехоты.

Но я надеялся увидеть что-то поинтереснее надежных, но все-таки безнадежно устаревших винтовок.

– Подозреваю, ваше сиятельство хочет увидеть новые разработки. – Начальник жестом позвал нас с Настасьей следовать за собой. – Пройдемте, милости прошу. Познакомьтесь с нашим... кудесником.

Наверное, про него и рассказывал Андрей Георгиевич. Я понемногу начинал припоминать: инженер-конструктор, то ли из Муром, то ли из Нижнего Новгорода. Продав с полтора десятка патентов чуть ли не за бесценок – но не пожелал оставлять свои детища, сам переехал в столицу и уже здесь развернулся по полной. Одна только самозарядная модель на базе трехлинейки уже через полгода окупала бы половину затрат рода.

А у «кудесника», похоже, было что-то и покруче.

Через несколько дверей и пару поворотов по узкому коридору мы оказались в просторном помещении, буквально набитом станками, инструментом, стеллажами с какими-то железками и приспособлениям, которым я не смог бы подобрать название... если таковое вообще имелось. Один верстак занимал уйму места, вытянувшись вдоль всей двадцатиметровой стены.

И всем этим техническим великолепием, похоже, повелевал один человек... Именно повелевал: начальник, все это время шагавший впереди, теперь отступил и будто бы даже пытался скрыться у меня за спиной. Похоже, таинственный «кудесник» не любил незваных гостей... или вообще любых гостей.

Невысокий жилистый мужик в замызганной майке увлеченно пилил что-то, зажатое в тиски, и даже не обернулся, когда мы вошли. А может, и вовсе не услышал – хрипящий динамик проигрывателя заглушал даже звук вгрызающегося в сталь лобзика. «Кудесник» врубил на полную катушку рок – причем отечественный, а не зарубежный. И выключил, только когда

я приблизился чуть ли не вплотную. Не нажал на кнопку – просто дернул за шнур из розетки, будто одним движением давая понять: вам тут не рады.

– День добрый, Алексей Иванович! – В голосе начальника откуда-то прорезалось даже больше подобострастия, чем при общении со мной – титулованным дворянином и владельцем всего предприятия. – У нас сегодня гости: его сиятельство князь Горчаков, Александр Петрович и его очаровательная...

– И зачем же пожаловал сиятельный князь?

Да уж... манеры у «кудесника» явно оставляли желать лучшего. Он отложил инструмент, развернулся на пятках и посмотрел так недобро, что начальник за моей спиной негромко закашлялся.

– Познакомиться. – Я пожал плечами. – Мне говорили, что у вас тут можно найти немало интересного.

– Судаев, – коротко бросил «кудесник».

Вот так: фамилия – и ничего больше. Вблизи он выглядел куда старше, чем показался не первый взгляд. Невысокий – почти на голову ниже меня, с зачесанными назад темными волосами, среди которых оказалось не так много седых, хоть Судаев и разменял уже пятый, если не шестой десяток. Лицо с крупными чертами сложно было назвать привлекательным или даже приятным, но оно определенно запоминалось. Как и весь облик «кудесника»: поджарый, жилистый, несмотря на возраст, и чем-то напоминающий инструменты вокруг.

Он словно и сам был каким-то механизмом: даже не посмотрел на Настасью, которую буквально пожирали глазами все – от охраны и мальчишек-подсобников до пузатых руководителей в галстуках.

Впечатление только усилилось, когда я пожал не по этикету протянутую руку. Мои пальцы будто угодили то ли в тиски, то ли в какой-то прокатный станок для металла. При скромных габаритах хватка у Судаева оказалась железная... Впрочем, и меня не зря гоняли в училище целый год. Даже без помощи родового Дара я не позволил оружейнику превратить мою ладонь в безвольное месиво... и как будто заслужил что-то отдаленно похожее на молчаливое одобрение.

– Вот, новейшая разработка. – Судаев указал рукой на висевший над верстаком агрегат. – Автоматическая картечница... или, как теперь принято говорить, пулемет.

Это я узнал бы и без подсказки: здоровенная махина чуть ли в полтора метра длиной, с толстым стволом, засунутым в угловатый кожух с крупными овальными отверстиями, сдвоенная рукоятка и массивный затвор, явно рассчитанный на винтовочный патрон. Сразу под ним из корпуса пулемета торчал здоровенный короб, в котором таких патронов по моей прикидке поместилось бы штук двести, а то и все триста.

В голове против воли тут же возникли воспоминания: монотонное стрекотание жуткой машины, огонь вокруг и толстый тупорылый ствол, нацеленный прямо на меня. Пулемет на стене выглядел куда изящнее – и вместе с тем более грозным.

А уж если еще и работает без перебоев...

– Воздушное охлаждение? – догадался я. – Испытания уже проводили?

– Воздушное. – Судаев одобрительно кивнул. – Конструкции уже десять лет. В Нижнем выпускали опытную серию, отдавали в войска на испытания, заключения комиссии – положительные. Но в столице документы завернули... конечно же.

– Слишком дорого? – Я протянул руку и коснулся рукоятки. – Тут одного металла как в десяти трехлинейках, плюс фрезеровка, литье, сборка... Не удивлен.

– Треть деталей штампуются, – поморщился Судаев. – Но кто-то наверху решил, что солдаты государству обойдутся дешевле, чем толковое вооружение.

– Теперь этому кому-то придется крепко подумать. – Я чуть прошелся вдоль верстака. – Мы получим заказ, не меньше нескольких сотен, это вопрос времени... Но меня, если честно, больше интересует вот та штуковина.

Я указал рукой на компактное оружие. Похожее на хорошо знакомый мне маузер – что-то вроде увесистого пистолета с длинным стволом, почти под самым кончиком которого торчала короткая рукоять с выемками под пальцы. Для стрельбы с одной руки странная машинка оказалась слишком тяжелой – видимо, из-за вытянутой коробки снизу перед скобой спускового механизма.

– Магазин? – поинтересовался я. – Оно что... полностью автоматическое, как пулемет?

– Это прототип. – Судаев посмотрел на меня тяжелым взглядом. – И если расскажу, для какой цели я его разработал, вашему сиятельству это вряд ли понравится.

– Если мне не изменяет память, все оружие служит для одной и той же цели. – Я пожал плечами. – Так что я все-таки поинтересуюсь.

– Автоматический пистолет за счет короткого хода затвора может выпустить больше десяти пуль в секунду. – Судаев на мгновение смолк, словно задумываясь – стоит ли вообще говорить что-то еще. – И с ним даже один солдат может создать плотность огня достаточную, чтобы пробить офицера, который защищен магией... Одаренного.

Да уж. Опасная штуковина. Костю с его восьмым магическим классом расстреляли из нескольких стволов. А здесь всего один способен выплюнуть магазин на двадцать-тридцать патронов всего за пару мгновений. Конечно, деду с его силищей такое не страшно, да и я, пожалуй, выдержу, – но чины выше капитана редко лично ведут в бой солдат.

Значит, седьмой класс для гвардейских полков – и ниже. Пробьет?.. Наверняка.

– Интересная конструкция, – вздохнул я. – И довольно... свежая.

– Американцы делают подобное уже с двадцатых годов. Мелкими сериями, но все же. В основном для полиции или военных на границе с Мексикой. – Судаев отомкнул магазин и развернул ко мне. – Я использовал не такой мощный патрон – за счет этого оружие легче, больше боезапас и лучше кучность. А если поставить дисковый магазин, можно...

– Мне нужно двести штук. – Я не стал вдаваться в технические детали. – Для моих людей и на продажу. Уверен, сейчас такие игрушки будут разлетаться как горячие пирожки...

Непременно будут. Теперь, когда каждый Одаренный в столице в любой момент может снова остаться без магии, на оружие, способное за несколько секунд выкосить десяток человек и при этом поместиться чуть ли не под курткой, непременно появится неплохой спрос. И если я успею выйти на гражданский рынок и заказы для жандармов и полиции раньше, чем это сделают ушлые американские торгаши, – все расходы покроются с лихвой еще до Нового года.

– Но, ваше сиятельство, – подал голос начальник завода. – Это же пока только опытный образец, единственный в своем роде. Необходимо оформить бумаги, опробовать...

– Партия в две сотни к началу августа. – Судаев сложил руки на груди. – Если мне... не будут мешать.

– Не будут, конечно же, – пообещал я. – Думаю, мы сможем найти и людей, и средства. Но я бы хотел спросить еще кое-что...

Пулеметы – тяжелые, здоровенные бандуры, которые можно ставить на пантеры, броневики или даже дирижабли... или на колесную базу для ручной или машинной тяги. Опасная и могучая штуковина, но для ее нормальной работы нужен расчет немногим скромнее орудийного. Три или даже четыре человека.

Автоматический пистолет – бешеная трещотка, которая снесет все живое – но только на расстоянии до пары-тройки десятков метров. И вряд ли сможет гарантированно пробить даже лист железа или дверцу автомобиля.

Неплохие варианты, причем оба, однако первый подойдет только для крупных войсковых подразделений, а второй – для полиции или жандармов. Но крохотной армии в сотню или две

человек – а больше мне не нанять – нужно что-то другое. Одновременно компактное, скорострельное – и сохраняющее убойную мощь мосинской трехлинейки.

– Алексей Иванович, скажите, пожалуйста: возможно ли – хотя бы чисто теоретически... сделать что-то подобное с прикладом и полноразмерным стволом, – я указал на оружие в руках Судаева, – но под винтовочный патрон?

На мгновение на лице «кудесника» мелькнуло презрительное недоумение... но только на мгновение. При всей своей неприязни к дельцам и далекому от технической части руководству, соображал он быстро. И явно тут же успел просчитать и конструкцию, и, что куда важнее, возможное применение того, что объединит в себе свойства трехлинейки и автоматического пистолета.

– Теоретически возможно все, – сухо ответил Судаев. – Пожалуй, мне было бы даже интересно попробовать сделать... что-то подобное.

– В таком случае не вижу смысла далее тратить ваше время. – Я чуть склонил голову. – Вы получите все, что потребуется. И если нужно – звоните Настасье Архиповне или мне лично.

Начальник за моей спиной едва слышно крикнул – но от комментариев, понятное дело, воздержался. А Судаев, если и испытал хоть что-то похожее на удивление, виду не показал совершенно. Мои пальцы на несколько мгновений снова попали в стальные тиски – и вот мы с Настасьей уже снова шагали по коридорам следом за притихшим начальником. Тот снова осмелился заговорить, только когда мы вышли на улицу.

– Но позвольте, ваше сиятельство... Это же совершенно невысказано! Не стоило вам так слушать Алексея Ивановича... Он талантливейший конструктор, можно сказать гений своего дела, – но как?! Нельзя просто так взять и выпустить к августу целую партию нового оружия. – Начальник завода осторожно поймал меня за локоть. – Это невозможно!

– Знаю, – усмехнулся я. – Для этого вы с Судаевым и нужны мне: делать невозможное. И делать раньше, чем американцы отправят сюда целый корабль, набитый серийными образцами в заводском масле. Не знаю, как вы, а я лично совершенно не желаю, чтобы сотни тысяч казенных рублей осели в карманах дельцов за океаном.

– Вы безусловно правы, ваше сиятельство! Но...

– Я безусловно прав, – отрезал я. – Давайте на этом и остановимся.

Чутье взвыло, когда до машины оставалось полтора десятка шагов. То ли сработали вбитые намертво в училище рефлексy, то ли заряд чужой магии оказался слишком велик и я ощутил его за мгновение до того, как заклятье сработало.

– На землю! – заорал я, поднимая Щит. – Быстро!

Столб огня возник высоко над землей – и ударил прямо в автомобиль. Самая обычная Свечка, подвластная любому боевому магу пятого класса и выше, – но силы в нее вложили столько, что стой мы чуть ближе – я не продержался бы и нескольких секунд. Охранные заклятья – и не какие-нибудь, а наложенные дедом самолично – жалобно хрустнули, полыхнули всеми цветами радуги – и не устояли. Через несколько мгновений колдовское пламя прошило машину насквозь, ударило в асфальт – и брызнуло во все стороны всполохами и ошметками раскаленного железа.

Даже на расстоянии Щит нагрозило так, что руки хрустнули одновременно во всех суставах. Резерв одним махом просел наполовину и понемногу полз и дальше – но опасность миновала. Не убирая магический купол, я кое-как потушил пламя вокруг и помог Настасье подняться. Она, похоже, не пострадала – только перепугалась до полусмерти. Побледнела и чуть пошатнулась, вставая на ноги, однако все равно держалась куда лучше начальника завода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.